

ВЛАДИМИР КОРЕШКОВ

СОЮЗ

СВОИ
СРЕДИ
ЧУЖИХ

ИЛИ

ГАУПТМАН С ОЛЕРОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

3

Владимир Корешков

Свой среди чужих или

гаупман с Олерона часть 3

<https://litres.ru/74385187>

SelfPub; 2026

Аннотация

После всего произошедшего перед Яром стоит выбор - рискнуть вернуться и продолжить ,миссию секретного агента ,хотя это почти наверняка верная смерть, потому как Яру доподлинно известно что его разыскивает всемогущая и всесильная организация , такая как ГЕСТАПО :попав к ним в лапы , выбраться практически невозможно.

Есть другой выбор - взять в руки оружие и сражаться на поле брани плечом к плечу с другими добровольцами в рядах интербригады.

Но ,вернувшись , он принесет повстанцам намного больше пользы.

Значит, жребий брошен ,тем более терять ему нечего - всех самых близких людей он лишился.

Рейх должен ответить за их смерть и ещё за тысячи других безвинно убиенных.

Владимир Корешков

Свой среди чужих или гаупман с Олерона часть 3

Продолжение

Продолжение

— И всё — таки, почему, штурмбанфюрер Даутенберг, решил поехать на завод один — без охраны, взяв из сопровождающих только вас?

Допрос продолжался уже более двух часов, и задаваемые мне вопросы не изобиловали разнообразием. Вот, например, на последний мне предлагалось ответить уже восьмой раз, хоть и озвучен он был в разных вариациях, но сути от этого не менял.

— Не могу знать, — снова ответил я, по — солдафонски чеканя каждое слово. — Гер штурмбанфюрер не имел обыкновения обсуждать со мной государственные дела, последние два слова я выделил особо, сделав на них упор. — Я позволю себе еще раз напомнить, вам, гер старший следователь тайной полиции. — Продолжил я, также чеканя слова. — Что был всего лишь ординарец при оберштурмбанфюрере.

— Ну хорошо, пусть так, но вот лично вам, лейтенант Ковалефф, это затея не показалась странной?

— Возможно, — осторожно допустил я.

— Тогда почему же вы, лейтенант, перед тем как отправится в эту, по меньшей мере странную поездку, или цитируя ваши слова — инспекцию, предварительно не попытались отговорить штурмбанфюрера, или хотя бы не доложили об этой аванюре наверх.

«Понятно, — подумал я. — Ребятки пытаются спихнуть смерть высокопоставленной особы — любимца канцлера на стрелочника. На роль стрелочника подходит «лейтех» ординарец.»

— Смею напомнить вам, гер старший следователь тайной полиции, что по личному приказу главкома генерала Баррети был придан в полное распоряжение штурмбанфюрера фон Даутенберга, и на тот момент, согласно уставу, он был для меня самым что ни на есть вышестоящим командиром, выше даже чем Господь Бог. Я никоим образом не имел никакого права даже помыслить, о том, чтобы кому — то, что — то докладывать о действиях своего непосредственного начальника, особенно через его голову. Получив приказ, поскольку являюсь военнослужащим — боевым офицером, мое дело не рассуждать, насколько странен или непонятен тот или иной приказ, а беспрекословно выполнять его.

Получилось неплохо. Крыть старшему следователю было нечем. Я даже позволил себе немного расслабиться и поерзать на жутко неудобном табурете, спина знаете ли, затекла, а заодно размял запястья рук. Наступило временное затишье. Старший следователь — высокий, худой мужчина под со-

рок, с неприятным каким — то рыбьим лицом, сидевший напротив меня за столом, хоть и был облачен в добротный, ладно скроенный двубортный костюм, очень напоминал угря — весь гадкий, склизкий такой. Даже светлые, жиденькие волосенки на костянистом черепе, как будто первоначально измазаны чем — то липким, и уже потом прилизаны на косой пробор. В общем противный, чувак, до тошноты. Он глядя в упор водянистыми, безжизненными как у зомби, чуть на выкате глазами наверняка обдумывал свой следующий вопрос, стараясь сделать его как можно более каверзным и заковыристым.

Рядом с ним примостившись задницей на кончике стола, высоко закинув ногу на ногу, так что узкая форменная черная юбка сползла кверху оголив насколько позволяла ткань крепкие, загорелые бедра, и скрестив руки на своей роскошной груди сидела оберштурмфюрер Кейша Суареш собственной персоной. Настал ее, как она считала, звездный час к которому она подготовилась с особой дотошностью и надо ли говорить, что выглядела безупречно. Черный эсэсовский мундир выглажен — ни складочки, форменная кипельно — белая блузка, которая казалось, вот -вот лопнет на ее пышном бюсте накрахмалена и отутюжена, застегнута по уставному — на все пуговики, отчего белоснежный воротничок, подпоясанный как удавкой галстуком со свастикой, аж впился в смуглую кожу шеи. Макияж наложен тщательно и педантично — ни одного лишнего мазка, ну может быть ядовито

красная помада и в тон ей маникюр чересчур ярковаты, ну тут дело вкуса, а склонность время от времени скатываться к банальной вульгарщине у этой особы была всегда. Густые каштановые волосы уложены в строгое каре — волосок к волоску не подкопаешься, и вообще, было такое впечатление как будто все утро она потратила на прием в салоне красоты — вон даже ресницы нарастила. В общем «вау эффект» был ею достигнут. Не зная кто она такая на самом деле любой гетеросексуальный мужчина при взгляде на эту самку пришел бы в неописуемый сексуальный восторг, граничащий с полной экзальтацией.

Но меня не проняло. Дело в том, что я то знаю что за супер сексуальной внешностью «женщины вамп» скрывается конченая сука и самая ядовитая в мире рептилия. Проще говоря змеища, которая ради поставленной цели пойдет, нет поползет по головам.

Кейша слушая вопросы следователя и мои ответы пока не произнесла ни слова, лишь победно улыбалась глядя на меня. Ей очень было по кайфу, что Яр Ковалефф, сидел в комнате для допросов в качестве подозреваемого, да еще и в наручниках. Она буквально наслаждалась этим фактом, что хорошо читалось в ее кари́х с поволокой очах, в которых пылал ярким костром жаркий, мстительный огонь. Это именно то о чем она мечтала.

— Ну хорошо,- пожевав тонкими, точно рыбьими губами продолжил следователь.- Но у вас же должно быть какое то

свое мнение, насчет того, какого черта фон Даутенберг перся на этот долбаный завод, да еще без охраны?

Я только открыл рот желая снова затянуть заезженную пластинку про то, что я всего лишь ординарец, а это должность как всем известно что — то среднее между ослом и бараном, и не располагает к каким либо размышлениям. Поэтому ничего не знаю, ни во что не ввязываюсь, а лишь выполняю приказ.

Но старший следователь тут же резко вскинул руку, остановив этим жестом мое еще не начавшееся блеянье.

— Ковалефф,- строго сказал он.- Я читал ваше досье, поэтому прекратите паясничать строя из себя тупого солдафона. Отвечайте нормально- по человечески, вы же всё — таки лейтенант, а не идиот.

Я обдумывая как лучше ответить, предварительно прокашлялся, выигрывая тем самым пару секунд.

— Ну хорошо, гер старший следователь, но прошу сразу записать в протокол, что это мое личное мнение и оно ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции.

— Я вас внимательно слушаю Лейтенант.

— Насколько я понял из обрывков отдельных фраз, геру фон Даутенбергу что то надо было срочно обсудить с главным инженером завода, причем сделать это надо было не по голографону, а на месте, так сказать тет — а-тет — без свидетелей, скорей всего это касалось какой — то государственной тайны под грифом «Совершенно секретно».

— А поехали почему без охраны?

— Потому, гер старший следователь, что подземный завод, как вы знаете, находился на нашей территории достаточно далеко от линии соприкосновения с противником.

— Ну и что из этого?

— Гер старший следователь, вот сколько я помню, фон Даутенберг, частенько кивал на начальника гарнизона штандартерфюрера Вольца, который внушал ему безграничное доверие и который неоднократно с высоких трибун, а также в частных беседах уверял в полной безопасности нашего тыла. У него, якобы, все под контролем- периметр под замком, даже мышь не проскочит, не говоря уже какие — то там сепаратисты. Штурмбанфюрер за организацию службы по охране тыловых объектов и всего тыла в целом его хвалил и постоянно ставил в пример. Вот в конечном итоге, я так полагаю, гер Даутенберг, видимо, уверовал в абсолютную безопасность передвижения на нашей территории, и отдал приказ ехать на завод без сопровождения. Вы же знаете, нрав у него был крутой, если что решил так тому и быть. Как то повлиять на его решение я не мог, оставалось только взять под козырек.

Опять повисла тишина. Старший следователь не спуская с меня своих водянистых глаз, монотонно барабанил пальцами по столу. Я отвечал ему собачьим верноподданническим взглядом. Мол был и остаюсь до мозга костей нормальным, преданным Рейху пацаном.

— А ты хитрец, лейтенант. Я понял куда ты клонишь,- криво усмехнувшись, наконец выдохнул он.- Ладно, изложи все это на бумаге до мельчайших подробностей. Укажи во сколько выехали, на чем и набросай схему где и когда попали в засаду. А также, почему ты остался жив, а штурмбанфюрер фон Даутенберг погиб? Почему ты так долго добирался до нас? Часа тебе на это хватит?

— Так точно, гер старший следователь тайной полиции, — бодро отрапортовал я.

— Идемте, оберштурмфюрер,- обратился он к Кейше вставая и направляясь к двери.- Пусть подследственный излагает, так сказать, версию событий.

Победоносная улыбка моментально сползла с высокомерного лица Кейши.

— Отто это что и все? — Раненным зверем вскрикнула она, резко вскакивая со стола, и попыталась удержать старшего следователя схватив его за рукав. Он окатил ее ледяным взглядом.

— Что за панибратство, оберштурмфюрер Суареш. Веди-те себя согласно субординации,- он сказал это хоть и тихо, вполголоса, но таким тоном, что мне показалось в комнате для допросов температура разом упала за минус тридцать.

Глаза Кейши загорелись недобрым огоньком. Нечасто с ней разговаривали в таком тоне. Она нехотя отпустила его руку и вытянулась по стойке смирно.

— Прошу прощения, господин старший следователь тай-

ной полиции,- ее хриплый голос звучал четко и внятно. Она тщательно проговаривала каждое слово.- Вы что же даже не примените к государственному преступнику допрос третьей степени?- Она еле сдерживалась в рамках, от злости ее колбасило, а нижняя губа предательски тряслась.

— Я прекрасно понимаю ваше желание, оберштурмфюрер, по квитаться со своим бывшем любовником,- ухмыльнулся он. — Но во — первых, лейтенант Ковалефф проходит по делу пока как подследственный, а не как государственный преступник.

— А во — вторых? — Спросила Кейша сквозь зубы.

— А во — вторых — у меня насчет этого «субчика» имеются строгие инструкции.

— Позвольте поинтересоваться что же это за инструкции? — Кейшу продолжало штормить не по — детски.

— Я обязан проследить чтобы лейтенанта Ковалеффа доставили на землю — в следственный аппарат в полном здравии, не попорченного, и самое главное — в здравом уме.

— И кто вам приказал? — глухо спросила она.

— А вот это уже не вашего ума дело. Поймите, оберштурмфюрер,- начал он примирительно, видимо даже старший следователь тайной полиции не хотел наживать себе такого врага как Кейша Суареш.- В другое время я бы обязательно доставил вам удовольствие — отдав в ваши руки вот этого,- он ткнул в меня длинным крючковатым пальцем.- На полное растерзание, без вопросов. Вот честное слово — кля-

нужь. Потрошили бы данного субъекта сколько вашей душе угодно. Но сейчас у всех нас огромные неприятности — выше джомолунгмы. Мало того что погиб проверяющий с земли — особо приближенный к самому вождю, так еще мы дав прорваться сепаратистам на сверх засекреченный, хорошо охраняемый объект полностью потеряли завод. Вы вообще представляете какая «туча» рейсхмарок там «похоронена». и за все ЭТО кто — то должен ответить. Уверяю вас на земле виноватых назначат быстро. Головы полетят, уж будьте уверены. Я лично под раздачу попадать не желаю. Вы, наверняка, я думаю тоже. Поэтому сейчас, нравиться нам это или нет, мы строго, не отходя ни на йоту, следуем директивам и приказам с земли — никакой инициативы и самостоятельности.

Кейша попыталась что — то возразить.

— Погодите, оберштурмфюрер,- досадливо взмахнул он рукой.- Дайте закончить. Мне глубоко плевать на этого Ковалеффа, но я насчет него имею точные указания и не хочу из — за какого то лейтенанта ссориться с начальством с земли. Повторяю наша задача на данный момент отправить его туда,- он опять ткнул пальцем, но теперь вверх.- Прикрепив заодно к его заднице протокол первичного допроса, а они уже там пусть сами определяют государственный он преступник или нет. И если посчитают нужным, то применят к нему допрос третьей степени- это их прерогатива.

Кейша метнула злобный взгляд в мою сторону. Я в ответ

ехидно ухмыльнувшись пожал плечами и склонив голову на бок соорудил скорбную гримасу- мол извини, подруга, печалька конечно, но что тут поделаешь — не выгорело у тебя со мной похитаться.

— Могу я перекинуться с подследственным парой слов? -не разжимаю губ спросила Кейша.

Старший следователь всплеснул руками.

— Да ради бога. Только не долго. Перед тем как за ним придет конвой что бы препроводить на ближайший звездолет следующий на землю, ему еще надо успеть показания записать.

— Успеет, -процедила Кейша.

Старший следователь вышел из комнаты или правильнее было бы сказать выполз- угри ведь ползают. Кейша крутанувшись на высоких каблуках повернулась ко мне. Не надо быть каким — то супер пупер физиономистом, да бы увидеть, что она просто в нереальном бешенстве.

Не спешно подойдя ко мне, Кейша вдруг резким движением поставила свою коленку между моих ног, и если бы не моя чудесная реакция (спасибо природным данным и постоянным физическим тренировкам), то точняк раздавила бы всмятку то важное, чем особенно дорожу не только я, но и любой другой мужчина. Я успел буквально за долю секунды отодвинувшись назад на самый край табурета, увести из под удара мою драгоценность. Кейша нехорошо улыбаясь, нагнувшись схватила меня одной рукой за волосы. Прибли-

зила как можно ближе свое холенное лицо к моему. Меня накрыло запахом ее тяжелых духов. Теперь мы смотрели глаза в глаза. Ее зрачки расширились, а карие очи почернели от ярости и напоминая грозовую тучу, сыпали убийственными молниями.

— Что, миленький, радуешься? Так вот, рано радуешься, - она продолжала больно тянуть мою голову за волосы кверху. - Думаешь это все. Сейчас слиняешь на землю и пронесет, девушка Кейша все забудет и проглотит. Неееет прошипела она иступленно. - Ее трясло. — Так не будет. Я никогда, ни за что не прощу и не забуду то как ты со мной поступил, наигрался как с куклой, скомкал и выбросил. Ты, сволочь, за все ответишь. - Она уже не справлялась с собой, срывалась на крик. — За мое женское достоинство, за поруганную честь.

— Какая честь, какое достоинство? Кейша, милая, окстись, - попробовал я ее образумить. - О чем это ты? На тебе же клейма, подруга, негде ставить. И вообще, смотрю ты вся какая — то на негативе. Лишний вес что ли набрала?

Кейша побагровела, ее лицо перекосила гримаса бешенства, а глаза выкатились из орбит.

— Гад, — завизжала она фальцетом, так что у меня даже уши заложило.

Вот тут моя хваленная реакция меня подвела. Она неожиданно, с остервенением провела всей пятерней по моей щеке, оставляя своими острыми коготками глубокие, кровавые борозды от виска до подбородка.

«Черт, больно то как — такое впечатление что у нее даже ногти пропитаны ядом. Ну точно ни дать ни взять змеища»
— Удовлетворена? — устало спросил я.

— Буду удовлетворена (теперь казалось мне в лицо шипел целый клубок разворошенных гадюк) только тогда когда тебя даже не расстреляют как офицера, а как государственного преступника вздернут на рояльной струне. Хочу чтобы ты корчился перед смертью от боли. Я все для этого сделаю, а рядом с тобой будет болтаться в петле твоя рыжая потаскуха. Эта б.... дь на которую ты меня променял тоже должна за все ответить.

Перед глазами возникло бледное, безжизненное лицо Эдиты и темно медная челка прикрывшая как погребальным саваном ее янтарно — медовые искрящиеся при жизни каким — то особенным цветом глаза. Именно так я запомнил свою любимую перед тем как положить в могилу вырытую собственными руками.

И тут у меня «шторка» обвалилась, хоть мне и мешали наручники, я перехватил за запястья цепкие руки Кейши тянувшиеся к моим глазам с целью выцарапать их, и с силой отвел от себя.

— Слушай ты, девушка с поруганным достоинством, слушай внимательно и заруби себе на носу, больше повторять не буду, обо мне можешь говорить и думать все что угодно, но не смей говорить об Эдите всякие гадости. Не дай бог еще разочек с твоих грязных уст слетит хоть одно плохое слово

в ее адрес, я тебе тут же вырву твой поганый язык с корнем.

Кейша не унималась. С целеустремленностью одержимого продолжая тянуться своими идеально отполированными коготками к моим глазам, я сдавил ее руки со всей силы заставив вскрикнуть от боли. Но и это не помогло. Наверное сейчас Кейшу могла остановить только пуля.

Не — на- ви- жу. Не -на —ви- жу, — расвирипело рычала она, напоминая разъяренную тигрицу и из — зо всех сил пытаясь преодолеть мое сопротивление, дотянуться, во чтобы то не стало, до моих глаз.

Вообще у меня железный принцип, который распространяется на всех лиц женского пола — руку на дам не поднимать ни в коим случае, какая бы законченная стерва не находилась передо мной, но сейчас — в схватке с этой бешеной сукой, я всерьез начал рассматривать вариант отхода от своих принципов, и закатать от души в лоб своей бывшей любовнице. Иногда же может быть исключение из правил из — за, так сказать, при форс мажорных обстоятельств. Не знаю как долго еще бы продолжалось наше противостояние и сколько времени мне понадобилась чтобы всё — таки поступиться своим кредо, но тут с шумом открылась дверь в комнату. На пороге стоял «угорек» -старший следователь.

— Ну я себе все примерно так и представлял,- скрипуче заметил он. Эта просто так не уgomониться. -И вдруг как гаркнет дурным голосом.- Отставить, оберштурмфюрер, вольно, прекратить «нанайскую» борьбу немедленно!!!

Удивительно, но на Кейшу окрик начальника подействовал, она обмякла, чуть ослабила хватку и мне удалось отпихнуть ее от себя.

Растрепанная и взъерошенная Кейша выпрямилась, окатила меня обжигающим как сноп искр взглядом, откинула свою каштановую гриву назад, прилипшие волосы со лба сдула отфыркиваясь и оттопырив нижнюю губу. Приведя таким образом прическу в порядок, поднесла поближе к глазам руку, которой распоролла мою щеку, покрутив со всех сторон внимательно осмотрела маникюр — не облома ли какой ни будь ноготь, потом не переставая буравить меня раскаленным взглядом, показательно медленно и с каким — то иезуитским наслаждением кончиком языка слизнула с подушечек пальцев капельки моей крови.

— Мы не закончили, Ковалефф, — заворковала она своим хриплым голосом, при этом недобрая улыбка не сходила с ее уст. — За то что ты растоптал мою жизнь, я растопчу твою- превращу ее в ад и тебе не помогут твои тайные покровители на земле. Ты не спрячешься за их широкими спинами, я достану тебя в любом уголке галактики и заставлю заплатить самую высокую цену.

— Очень убедительно и многообещающе,- захлопал в ладоши старший следователь. Его происходящее явно забавляло. — А главное,- назидательно взмахнул он указательным пальцем.- Я уверен, лейтенант Ковалефф, проникся. Спасибо вам, оберштурмфюрер, можете быть свободны.

Кейша гневно зыркнула на старшего следователя, поправила мундир и не слова больше не говоря вышла из допросной.

Следователь угорь ехидно ухмылялся обнажив до десен крупные, щербатые как грабли зубы.

— Знаешь, лейтенант, — обратился он ко мне. — Должен признаться, что сильно ошибался на твой счет. Ты всё — таки идиот и не просто идиот, а идиот в квадрате- по другому просто не могу объяснить твою связь с этой «упырицей».

— Насчет идиота согласен, гер старший следователь,- согласно кивнул я. — Бес попутал. На красивую упаковку купился.

— Да упаковка что надо -все при всем -высший сорт,- мечтательно согласился со мной он. Но Ковалефф тут уж как говориться: «Любишь медок люби и холодок». -Гыгыкнул следователь.- Если честно, положиа руку на сердце, мне лейтенант искренне жаль что тебя забирают из нашего ведомства. Желал бы я хоть одним глазком взглянуть как тебя допрашивает оберштурмфюрер. Клянусь богом -это было бы очень интересно.

— Чтоже здесь интересного?- поинтересовался я.- Будто вы, гер старший следователь, никогда не видели ее за работой.

— Видел, Ковалефф, видел и не раз. Безусловно она проффи высокого класса — допрашивает подследственных с душой и огоньком. У нее любой заговорит, даже камень,

но в случае с тобой лейтенант — эта отдельная тема. Здесь наша милая оберштурмфюрер особо мотивирована, поэтому превзошла бы даже себя, а твой допрос стал бы просто настоящим шедевром, и уверен вошел бы анналы гестапо.

Он говорил о допросе третьей степени — так как говорят, например, двое кулинаров восхищаясь искусством друг друга выпекать булочки. Умение со специфическим садизмом превращать подследственного в бесформенный кусок мяса, выбивая нужные показания в гестапо считалось особым шиком. Такие люди с явно психическими отклонениями, не знающие жалости и сострадания получавшие ненормальное удовольствие когда другому человеку невыносимо больно, ценились в этой организации. Хотя.... люди ли это вообще? Так двуногие больные убудки. Наверняка и старший следователь был из той же породы.

— Все, лейтенант, пиши, — он пододвинул ко мне листок бумаги и ручку.

Я в ответ протянул ему руки.

— Может браслеты снимите. Так мне поудобней, да и побыстрей будет.

— Нет, Ковалефф, его тонкие губы расплылись в неприятной, отталкивающей улыбке, на это указаний не было, так что справляйся в наручниках.

Был бы в другом положении обязательно посоветовал старшему следователю как можно меньше «лыбу» давить и так противно смотреть на его пресно — рыбую физиономию,

а когда он улыбается так вообще блевать хочется.

Он вышел оставив меня одного. Я придвинул табурет поближе к столу, взялся за ручку. Крайне непривычный для меня да еще и архаичный реквизит из семейства канцтоваров, несмотря на технический прогресс так и не почивший в глубине веков, а до сих пор являющийся неотъемлемым атрибутом всевозможных бюрократических учреждений, в том числе и гестапо. Видимо читвших как отче наш древнюю поговорку- что написано пером, то не вырубишь топором.

Не писал ручкой я очень давно — со школы и тогда то у меня почерк не ахти какой был, а сейчас, без практики вообще хрен разберешь — как курица лапой. Ну эта проблема тех кто будит силиться прочитывать мои показания.

Щека пылала и саднила. Плечом утер кровь скопившуюся на подбородке. С чего начать писать я уже знал — в штабе повстанцев мою легенду мы с контрразведчиками проработали и отшлифовали до мелочей. Прогоняя по несколько раз. Чтобы все, что я скажу на допросе лилось из меня как песня — без сучка и без задоринки. Были учтены как нам казалось все нюансы: Например, записи с камер видеонаблюдения на КПП при въезде и выезде из города в тот вечер когда мы в компании с фон Даутенбергом покидали Нью Олерон были начисто стерты и восстановлению не подлежали — вирус - мать его.

Компьютерный гений — Олаф здесь постарался на славу очередной раз подтверждая непреложную истину –безуко-

ризненных охранных программ не бывает, взломать можно все. Что же касается наряда военной полиции дежурившей той ночью, то тут как на грех с каждым из них случилось несчастье, прямо напасть какая-то — один полицейский геройски погиб после смены-переусердствовав в потреблении хмельных напитков. Другой был абсолютно не сдержан в поглощении пищи-жевал все время. Любой знает, что ожорство — это страшно вредная привычка, которая ведет к всяким нехорошим последствиям — там лишний вес, повышенный холестерин, высокое артериальное давление — в общем целый букет всевозможных болячек, а этот субъект к тому же имел нездоровую повадку перекусывать на ходу, а ведь это вообще непростительно. Итог: шел на службу, жевал бутерброд, подавился куском копченной колбасы и помер. Третий переборщил с психотропными препаратами — решил что он толи птица, толи Бэтмен-с криком: «А мне все по херу» — сиганул головой вниз из окна своей квартиры. Пятый этаж всё же высокогато, не выжил бедолага. Четвертого в драке забили до смерти. Наверняка это звездные пехотинцы нашалили. Всё же знают как люто они ненавидят военную полицию. А найти хулиганов практически невозможно. Звездпехи ночь провели в увольнение и сразу на фронт, а там уже ищи свищи. Безусловно военная прокуратура не оставит без внимания сей вопиющий случай и будет расследовать его самым пристальным образом, но шансов что — то прояснить ничтожно мало.

Так что свидетелей нашей ночной вылазки не осталось. Надо ли говорить что тут нам очень помогли местные подпольщики — они же разобрали мой служебный кар на запчасти. Отдельные элементы были обработаны как будто подверглись термическому взрыву. Тайно вывезены из города и подкинуты рядом с гигантской воронкой оставшийся на месте подземного завода. Так что следователям лишь оставалось отыскать находку в груде покореженного бетона, металла и сличить номер шасси.

Конечно после всего того что со мной произошло возвращаться сюда в Нью Олерон было неблагоразумно и опасно. Те же контрразведчики отговаривая меня — неоднократно предлагали не испытывать судьбу, а остаться и воевать в составе интербригады.

Всё же я решил сыграть ва — банк. Естественно нельзя было исключать, что меня по появлению, наплевав на установленные правила ввиду чрезвычайности произошедшего, гестапо захочет расспросить с пристрастием — подвергнув допросу третьей степени — это когда из человека делают отбивную и он рассказывает все что знает и даже чего не знает, но ему это уже никак не поможет и не облегчит его страдания. Из допросной обычно выволакивают уже даже не тело, а никчемный, полностью перекрученный в фарш кусок чего то непотребного, который раньше гордо назывался человеком. Из самостоятельного этот окровавленный кусок может лишь ходить под себя и все время выть от нескончаемой бо-

ли — потому что все его тело превращено в оголенный нерв, а приведение смертного приговора в исполнение он воспринимает даже не как облегчение, а как манну небесную.

Если бы всё — таки Гестапо решилось пойти в разрез с законом, и без одобрения военного трибунала, а главное ребяташек из СД применили ко мне, как к боевому офицеру, пилоту звездолетчику допрос третьей степени, то тут у меня было два выхода, чтобы ничего не сказать: первый уйти в параллельную реалию -полностью закрыться как в скорлупе в личности Штефана Дорна, которую в мою черепную коробку как в тубик с пастой запихнул на луне в больничке старый маразматик профессор Пекстис, чужая личность так и осталась функционировать во мне — я мог нырнуть в нее в любой момент, напрочь забыв о том кто есть на самом деле. Так что тут можно было быть уверенным на все сто, как бы не старались гестаповцы ничего бы не добились, потому что Штефан Дорн ничего не знал и не мог знать. В процессе допроса ребятки скорей всего просто решили бы что мой мозг не выдержал, и я свихнулся под пытками, поэтому несу всякую околесицу.

Но тут есть одно «но» — сам Яр Ковалефф, то бишь я ничего, конечно, не осознавал бы что с его телом делают палачи, но вот его нервные окончания, его изувеченное тело пусть даже и в лице Штефана Дорна испытывала бы жуткую невыносимую боль. А боль я с детства страшно не любил, поэтому на такой случай решил для себя выбрать второй ва-

риант — в разведшколе довелось пройти определенные курсы, где меня силой разума научили останавливать свое сердце, и так останавливать, что не один кардиохирург каким бы светилом он не был не заведет его ни в жизнь.

Все вышеперечисленное я всё — так рассматривал как самый крайний вариант. Да карательная машина в Рейхе беспощадна, и всё же, как ни крути, все официальные ведомства старались придерживаться какой — то видимости законности. Поэтому взвесив все за и против, заодно взяв на вооружение пару народных поговорок, типа — риск благородное дело и кто не рискует тот по утрам вместо чая не хлебает «Мадам Клико»- решил дерзнуть и появиться перед светлыми очами бравых парней из гестапо.

Я начал писать показания, но делал это чисто механически — не задумываясь рука сама выводила слова и ставила знаки препинания. Сам же я был очень, очень далеко — в мыслях возвращаясь назад, вспоминая то, что со мной произошло после того как похоронил Эдиту.

Глубокая ночь. Прохлада. На небе освещаая мне дорогу мертвенно бледным светом висят две спаренных луны. Я один в Олеронском лесу, наверное кому — то он мог показаться даже сказочным — вокруг деревья исполины сонно отбрасывают на землю огромные причудливые тени. Под ногами, как дорогой ковер, пружинит бурый мох. Тихо -ни шороха, ни вдоха, ни крика птиц. Природа отдыхает перед жарким рассветом завтрашнего дня. Примерно определив

направление куда надо двигаться, лишь изредка сверяясь по звездам — этим маленьким «светильничкам» на небосклоне, с трудом проглядывавшим сквозь ветвистые кроны деревьев, я брел по криволесью как сомнамбула. Не сворачивая и не обходя препятствий, иногда спотыкаясь об корягу или гигантский пенек, иногда больно цепляясь плечом за ствол, но даже не замечал этого. Никак не мог осознать и смириться — Эдиты больше нет. Никогда ее больше не увижу — эта нечеловеческая боль сверлила мой мозг и мое сердце почище любого бура — выворачивая нутро на изнанку.

Мне не понятно, вашу мать, почему так? За что? Что это за вселенская несправедливость. Где и в чем я провинился перед тобой, Господи? Как ты мог ее не уберечь?

Вот еще вчера она была рядом, я мог дотронуться до нее в любой момент, вкусить как самый сладкий нектар аромат ее губ, чувствовать ее теплое как дуновение летнего ветерка дыхание, волнующий запах ее тела и все ее больше нет. Поедом съедая себя изнутри, приходя в неистовую ярость от того что ничего уже не изменить не исправить и ничего не вернуть. Я все сильнее сжимал в руке ее идентификационный чип пока он разрезав кожу ладони не впился в нее, войдя почти полностью — это все что у меня осталось от моей любимой. Ну и еще горечь сладостных воспоминаний. Мне их до конца жизни хватит.

И тут я поймал себя на мысли, что где — то там в глубине души я лелею призрачную надежду что мы еще увидимся Да

возможно не скоро, не сейчас, когда ни будь потом в будущем пусть очень далеко, но обязательно. Ведь я не успел сказать ей те самые нужные и важные слова, которых она так ждала. Наверное такое бывает с каждым кто терял своих близких — мы все умом понимаем, но не хотим до конца верить, что родные уходят навсегда растворяясь в небытие. Скорей всего наш мозг таким образом абстрагируется защищая, оберегая нас от той дикой душевной боли, что бы мы, просто, не сошли с ума от безвозвратности потери.

Скоро рассвет, а я так и не вышел из лесу. В незнакомой местности трудно ориентироваться, думаю что заплутал. Больше не в состоянии идти дальше уселся привалившись спиной к шершавому стволу — надо отдохнуть. Нет не телу, скорей мозгу. Подтянул к себе на колени штурмгевер и выключился. Организм сдался- ему нужна была перезагрузка. Спал я правда недолго. Проснулся от ощутимого удара чем то тяжелым по голове. Надо сказать что кто — то выбрал весьма нетрадиционный способ помочь мне поскорее выбраться из цепких лап царя морфея, но черт побери, признаю очень действенный. Он лучше, а главное на сто процентов надежней и эффективней чем зуммер будильника. Но как панацею от постоянного просыпание на работу порекомендовать не могу. Всё — таки если каждое утро получать по кумпалу ты безусловно будешь вставать вовремя, но в конечном итоге станешь имбецилом.

Осторожно открыв глаза увидел перед собой вороненое

дуло ствола автомата АКМ 149. Хозяин оружия был молодой мальчишка — максимум лет семнадцати. За ним стоял другой тоже еще сопливый и также как и первый целился в меня из автомата, но уже моего- перекочевавшего к нему пока я спал. То есть застали врасплох.

Плохо. Непростительная для меня ошибка. Оба паренька были одеты в новенький, непримятый — еще топорщится на их угловатых фигурах камуфляж. Ясно. Ополченцы, понял я.

— Ну что, рейхчонок, очухался? — сдвинув угрожающе брови спросил первый.

— Вроде бы да, очухался, — улыбнулся я. — Спасибо, боец, что поднял меня вовремя, а то я чуть не проспал.

— Типа шутник, да? -зло спросил паренек.

— Да нет, какие уж тут шутки. Вполне серьезно,- опять улыбнулся я.

— Чего лыбишься, фашистская морда? Сейчас глотнешь у меня свинца, мигом ухмыляться перестанешь.

Мальчишки были необстрелянные и до этого в переделках не бывали было видно, хоть и пытались корчить из себя бывалых вояк, но их неопытность в ратном деле сразу бросалась в глаза. Даже встали надо мной неправильно — почти друг за другом, считали, видимо, если у них в руках оружие нацеленное на сидячего пленного, то они хозяева положения. Палец конечно на спусковом крючке, но автомат с предохранителя не снят.

Я мог играючи их разоружить — правой рукой хватаюсь за ствол, который держит ближайший ко мне мальчонка, благо он совсем близко и дуло почти уперто в мой лоб, одновременно увожу оружие в сторону. Левой ударяю по сгибу кисти его руки, которая держится за цевье и курок подхватывая вырываю автомат, он естественно теряет равновесие. Тут же с подскока удар в пах, и кидаю обездвиженное тело как мешок с песком на второго мальчишку. На это все уйдет всего пару секунд. Ну, а дальше, как говорить, дело техники. Еще пару тумачков и тогда я уже хозяин положения, но калечить пацанят совсем не хотелось, поэтому я решил пока обождать. Успеется еще. Лучше последить за развитием событий.

— Чего с ним будем делать, Стас? — спросил тот у кого был мой автомат.

— Да вот думаю, Марко. Может здесь гада положим.

— Неее.., Стас. Думаю надо его в штаб доставить.

— Чтобы его в штаб доставить, надо пост покинуть, а это чревато. Нам замкомвзвода таких люлей пропишет мало не покажется- отгребем по полной. Еще на губу для профилактики посадит.

— Это то да,-тяжело вздохнув согласился с ним Марко. — Может тогда спросим у комроты. — Подкинул идейку Марко.

— Не, дружище,- отреагировал Стас.- Никак не катит. Сам знаешь, поскольку наша рота на самом остром обороны,

согласно приказу, режим радиомолчания- дозорным, то есть нам с тобой, нарушать нельзя. Только в экстренном случае — если на нас выдвинутся силы противника.

Ну войны, ну солдатики, мать вашу, всю подноготную при постороннем раскрыли,- мысленно возмутился я. А если бы на моем месте оказался диверсант.

— Думаю что всё — таки проще от него избавиться,- решительно заявил Стас.

— Погоди,- не успокаивался Марко.- Вот посмотри этот фашист какой — то не такой, странный.

— А чего в нем странного? Фашист и фашист, обыкновенный голый только — без кителя.

— Не.. а не обыкновенный,- уперся Марко. — Вот бриджи у него вроде офицерские, но не черные как у эсесовцев и не зеленые как у звездных пехотинцев, а серые — я таких никогда не видел.

Молодец мальчонка отметил я про себя внимательный следопыт прямо, а то что звездолетчиков не встречал так это понятно.

— Ну и что подумаешь штанцы не такого цвета. Может у гадов новую форму ввели.

Я всё — таки решил взять инициативу в свои руки, а то они здесь еще час препираться будут и того гляди пристрелят меня для простоты дела, что бы не возиться с глаз долой из сердца вон. Такой расклад в мои планы не входил.

— Вот что воины, — четко сказал я.- Марко прав -я не

обычный фашист, а с подвыпердотом. Так что сопроводите ка меня к своим «отцам командирам», мне есть им что сказать, а насчет звездюлей не беспокойтесь. За мою особу вам не только их не выпишут, а наоборот возможно даже наградят.

— А тебя кто гадина спрашивал,- уткнув дуло автомата мне в лоб зло прошипел Стас.

— Во... оу Во.. оу Во.. оу. Осади боец, -протараторил я скороговоркой, пытаясь остудить мальчишку. — Согласен, меня- гадину, никто не спрашивал. Вот только если ты меня, как ты выражаешься, здесь положишь, тогда уж точно неприятностей не оберешься, а так награда светит, почет и уважение среди сослуживцев. Так что давай веди в штаб.

По глазам Стаса было видно, что внутри у него идет нелегкая борьба и награды ой как хочется, и пост без разрешения боится покинуть.

— А что в тебе вражина такого особенного, что нам за тебя награда светит? — неуверенно спросил он.

— А вот ты мил человек доставь меня в штаб, тогда и узнаешь. Если серьезно, то сведения у меня особой важности.

Стас еще некоторое время постоял, подумал, а потом не сводя с меня оружия сделал шаг назад.

— Ладно,- принял решение он.- Делаем так, Марко, я этого к комроты сопровожу, пусть начальство с ним разбирается. Может у него и правда какая ценная инфа имеется, а ты

пока на посту оставайся.

— Договорились,- кивнул Марко.

— Ну вставай, фашист,- Стас повел дулом автомата.- Руки за спину и двигай вперед, ну и смотри у меня без фокусов — чуть дернешься сразу из тебя, сука, дуршлаг сделаю.

Пройдя еще парочку заслонов мы спустились в окопы — хорошо замаскированных и открытых в полный рост. В общем — то ничего необычного. Я уже бывал в стане повстанцев, но только тогда, когда находился по другую сторону фронта — служа в звездной пехоте, и было это после того как нам удавалось выбить противника с занимаемой им территории, а трупы людей, которых я видел после рукопашной бойни были для меня сепаратисты и считались неприятелем.

Как все меняется в этой жизни- сейчас я на стороне этих гордых, свободолюбивых людей и готов рисковать всем, даже своей жизнью, что бы помочь им одержать победу в этой ужасной и кровопролитной войне.

Стас уверенно вел меня по окопу, то и дело больно пихая в спину стволом автомата и зло покрикивая:

— Шевелись, фашистская морда,- в его гордой осанке, в его ломающемся еще юношеском голосе сквозило чувство нескрываемой мальчишечьей гордости- как же на фронте без году неделя, а уже удалось пленить врага. Судя по всему офицера и наверняка важную птицу.

Навстречу нам попадались ополченцы. В основном такие же мальчишки и девчонки как мой конвоир — в новеньком

с иголки обмундирования, видимо совсем свежий набор. Уму не приложу, как эти желторотики будут противостоять опытным натасканным звездпехам и элитным частям СС, которые вскоре бросит против них командование экспедиционного корпуса.

Прием не был теплым. Ребята провожали меня ненавистными взглядами. Кто — то пытался перегородить дорогу заставляя меня обходить его по краюшку, больно цепляясь голым торсом и обдирая кожу о бетонные стены окопа. Кто то старался спровоцировать, сильно толкая или задевая плечом. Одна девочка с глубоким отвращением плюнула мне под ноги. Я не мог на них обижаться, не имел права. После того что вынесли они — их родные, близкие, друзья весь народ Олерона от пришлых захватчиков с земли, вполне естественно, все они люто ненавидели оккупантов и за то что эти пока еще ребяташки проявили выдержку и кто — то просто не выстрелил мне в спину от меня им лично огромное человеческое спасибо.

Наконец по ходам сообщения подошли к офицерскому боксу. Стас приказал мне стоять лицом к стене, а сам постукавшись приоткрыл тяжелую дверь

— Товарищ, старший лейтенант. Разрешите?

— Заходи, Крайнов, -раздался из -за двери раскатистый густой бас.

— Вот,- впихивая меня вперед.- Мы с рядовым Джордевичем рейхсчонка в плен взяли.

Внутри было довольно светло- по бокам пара лавок и четыре застеленных кровати по разным углам, посередине пластмассовый стол с несколькими аккуратно приставленными к нему стульями. На одном из стульев сидел крепко сбитый лобастый старший лейтенант. По правую руку на столе лежал выдавший виды АКМ 149, а рядом глубокая тарелка дымящегося супа. Тут же притулилась тарелочка с горкой нарезанного кусочками свежее испеченного ржаного хлеба. Пахло вкусно. Невольно сглотнув слюну, я понял что хочу есть и чувство голода оказывается испытываю давно.

— Ну, Крайнов, на фига ты мне эту пакость притаранил, — сердито кивнув в мою сторону поинтересовался командир роты.- Чтобы аппетит испортить?

— Дык пленный, товарищ старший лейтенант, говорит важные сведения у него,- растерянно произнес Стас.

Видимо явно не ожидал такого приема со стороны начальства. После чего со злостью посмотрел на меня, типа, ты же, гадина, обещал, что меня наградят, а тут....

— А что ты ожидал, Крайнов? Что еще тебе фашист может сказать, когда его в плен взяли. Он тебе Лазарем заливаться будет- такого наплетет спасая свою шкуру, что ахнешь. Лишь бы только к стенке не поставили. Важные сведения у него, понимаешь. От кого? От генералитета Рейха, а может лично от канцлера? Пойми, Крайнов, мне пленные фашисты тут на фиг не нужны. Мне они на метр в глубь земли нужны —прикопаны, так что бы холмика даже не видно

было. И чем больше мы их на тот свет- в тартарары отправим, тем меньше этой гадости на поверхности нашей чудесной планеты шастать будет. Мой план тебе понятен? Я доходчиво излагаю?

— План понятен, -вздыхнул Стас.

— Ну раз понятен, тогда выводите эту мразь в конец окопа. Справишься, Крайнов?

— Так точно, товарищ старший лейтенант. Разрешите выполнять?

— Ступай, братец, и больше не мешай. Я трапезничать желаю,- улыбнулся старший лейтенант пухлыми губами и схватился за ложку.

Улыбка у него вышла какая — то, даже по доброму — благожелательная, будто приказал только что не расстрелять человека, а накормить и обогреть.

— Пошли фашист,- ткнул меня Стас прикладом в бок.

— Погоди, старлей, может разберемся,- возмутился я.

Тот со вздохом нехотя отложил ложку

— А чего тут разбираться? -недоуменно пожал плечами он.- По — моему тут все очевидно.

— Не хрена не очевидно. Я выполнял ответственное задание в тылу врага, — веско и насколько можно убедительно отчеканил я, и у меня действительно важные сведения.

— Угуу,- задумчиво произнес старший лейтенант, почесав макушку.- Я так понимаю ты только что попытался утверждать, что совсем не фашист, а даже, вроде, как наш.

— Все правильно понимаешь, старлей. Возьми с полки пряник за сообразительность, и будь добр сообщи обо мне немедленно в контрразведку, в особый отдел.

Он посмотрел на меня хитро с прищуром.

— Может у тебя есть особое пожелание -кому например лично из контрразведчиков ты хочешь чтобы я о тебе сообщил.

Понятно. Проверяет. Если я свой, то должен кого то знать лично.

— Например майору контрразведки, Алене Бортко,- выдохнул я. Первую почему то я вспомнил именно ее — своего инструктора в разведшколе, и женщину, которая, возможно, носит под сердцем моего ребенка.

В серых глазах старлея появилась сталь.

— Плохо, паря, работает твоя фашистская разведка — Алена Бортко не майор, а подполковник.

— Значит ей совсем недавно присвоили очередное звание. Я находясь за линией фронта мог этого не знать, — абсолютно спокойным голосом возразил я.

— Мог,- согласился со мной старлей, задумчиво почесывая подбородок и вдруг как выстрелил.- Опиши Алену Бортко. Живо.- Жестко приказал он.

Что я тут же и сделал. Пока я рассказывал, он буквально впился не сводя с меня тяжелых глаз, проверяя не запнусь ли я где, не напутаю ли чего. После того как я описал Алену, хоть меня никто не спрашивал, я рассказал еще про мужа ее

Александра, которого убили на следующий день после того как днем раньше их с Аленой дочка погибла при артиллеристском обстреле шахтерского городка Родничок.

Не знаю зачем я это сделал и кто тянул меня за язык, наверное всё — таки подспудно переживая за свою шкуру желал чтобы старлей мне обязательно поверил.

— Ну вот вроде и все, — закончил я.

Смотрю старлей весь как то сник, ушел в себя, а в глазах появились слезы- это было поразительно и как то, я бы даже сказал, противоестественно — крепкий, суровый мужик, боевой офицер, который на своем веку наверняка повидал всякого и тут вдруг такая неожиданная реакция на мой рассказ. После долгой паузы, он смахивая поочередно слезу, то с одной щеки, то с другой, чуть слышно вымолвил:

— Мы ведь с Сашкой друзьями еще со школы, а в детском саду, что разбомбили эти нелюди и моя дочь была — они с их девочкой в одну группу ходили- дошкольную. Хоронили их тоже вместе в закрытых гробах — изуродованы тела и личики, не узнать сразу.

Кольнуло сердце. Противно засосало под ложечкой. Перед взором явственно, как будто это произошло еще вчера встала картина незабываемого кошмара, картина которую я очень хотел бы вычеркнуть из своей памяти навсегда, но не избавлюсь. Буду помнить до гробовой доски — разбитое здание из красного кирпича с зияющими проемами выбитых окон. Мерцающая голограмма забавного застенчиво-

го слоника у входа, который улыбаясь таращится на меня большими голубыми как блюдца глазами и призывно машет хоботом, а вокруг по периметру разбросаны исковерканные от взрыва детские трупики и тут же рядом среди всей этой невозможной жути рядовой Смятонис из моего взвода насилует полуживую обезумевшую от пережитого воспитательницу.

Мне вдруг стало по настоящему хреново, и я очень остро почувствовал насколько омерзителен сам себе. Если бы я мог что — то исправить, если бы я только мог...., но время назад не отвернешь и мне никогда не оправдаться ни перед Богом, ни перед этими людьми.

— Прости, старлей, я не хотел,- еле шевеля губами пробормотал я.

Старший лейтенант протер ладонью глаза.

— Тебя как зовут? — спросил он хрипло.

— Извини, старлей, не могу тебе сказать — не имею права.

— А что мне передать от тебя в особый отдел?

— Передай, что Антей просит помощи. Этот позывной мне присвоили еще в разведшколе.

— И все? -переспросил старший лейтенант.

— И все. Дальше они знают что делать.

— Хорошо передам. Есть хочешь?

— Нет. Спасибо. Не хочу, — есть и правда расхотелось. Слишком уж паскудно было на душе.

— Но до выяснения пока останешься под арестом.

— Это понятно,- кивнул я.

— Стас, проводи человека на губу и сдай под охрану.

Стас стоял притихший- тише воды, ниже травы. Он находился в ступоре. Ставший невольным свидетелем минутной слабости своего командира, этого кремень мужика, образца мужественности и отваги, являвшимся в прямом смысле карающим мечом для врагов и образцом для подражания своих подчиненных.

— Крайнов, ты меня слышишь?- прикрикнул уже взявший себя в руки старлей

— Так точно! Слышу,- встрепенулся Стас.

— Ну и выполняй.

— Есть.

Ждал я не долго. Когда меня обратно привели в штабной бокс, за столом со старлеем сидели еще двое и о чем то тихо вполголоса беседовали, прихлебывая чай из высоких кружек.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите доложить. Задержанный пленный по вашему приказанию доставлен,-громко во всю мощь своих легких как и положено в армии оповестил мой конвоир. Заставив своим зычным голосом присутствующих встрепенуться.

Все трое встали. Вперед вышел высокий, крепко сложенный, атлетически сложенный мужчина около сорока, волосы рыжие, кучерявые от этого он чем то был похож на Сам-

сона, который «раздирает пасть льва». На камуфляже в петлице меч со щитом и две шпалы. По его движениям становилось понятно, что обладает он недюжинной физической силой и в рукопашной спуску никому не даст.

Некоторое время он молча меня изучал. Не могу сказать что мне было уютно под его жестким, колючим взглядом. Затем, видимо удостоверившись, что я это я, надев кепку коротко козырнув представился:

— Майор госбезопасности — Файтелевич.

— Антей,- представился я в ответ.

Позади майора стояла девушка тоже в камуфляже с двумя кубарями в петлицах. Внешность девушки была буквально соткана из противоречий — маленькая худенькая и в тоже время, спортивно — подтянутая, с узкими бедрами и маленькой, почти мальчишеской упругой попкой, но при этом не то чтобы с очень большой, но достаточно крупной грудью для такого худенького тела, и поэтому та казалась несоразмерна, словно два резиновых мячика отдельно прилеплены кем то к торсу. Длинная шея, острый подбородок, рот чуть крупноват, но губы пухлые- чувственно страстные, носик ровный, но наверное слегка коротковат. Высоченные породистые скулы несомненно придавали лицу черты аристократичности, но как будто натягивая на себя всю смуглую кожу лица, глубоко проваливали нежно румяные щечки, добавляя этим излишней худобы к общему облику девушки. Темные волосы открывая высокий чистый лоб убраны в «кич-

ку» назад, но объема при этом не создавали, вероятно всё же жидковаты, а вот глаза.... те да -это поистине шедевр — огромные, казалось на пол лица, темно зеленоватые в загадочную крапинку, очень яркие, энергичные, смешливые, оттененные длиннющими густыми как метелками ресницами. По этим глазам и потому с каким шкодливым лукавством они смотрели на окружающий мир, сразу понимаешь перед тобой оторва еще та — палец в рот не клади, и хоть на вид балагурка и хохотушка, но нрав у нее упертый — не уступчивый.

Мне трудно было оценить ее как представительницу прекрасного пола, просто это не мой типаж. Я бы точно не рискнул назвать ее красавицей, но безусловно в ней что — то было, поэтому некрасивой я бы ее тоже не назвал. Скорее, в общем и целом, она была миловидна.

Увидев, что я пристально ее рассматриваю девушка широко улыбнулась открытой, белозубой улыбкой — завораживающей и подкупающей.

— Лейтенант госбезопасности Воронина!- наскоро вскинув ладонь к виску, лихо козырнула она.

«Очень красивые руки,- отметил я про себя.- Хоть и суховаты, но пальцы изящные, длинные как у пианиста.

— Антей,-кивнул я ей.

— Ну что, товарищ Антей, засиживаться нам некогда.

— Поэтому давайте будем трогаться в путь,- промолвил майор. После чего обернулся к старлею и протянул тому ру-

ку. - Все старший лейтенант мы отчаливаем спасибо за службу и гостеприимство. До встречи.

Девушка также тепло попрощалась с комроты за руку. У меня же не хватило духу протянуть старлею руку, поэтому я просто кивнул и пробормотал что то невнятное, стараясь не смотреть тому в глаза. Не знаю что подумал он обо мне. Вполне возможно решил что я в обиде на него, но пересилить себя не смог, лишь мысленно еще раз попросил прощения за все.

Выйдя из бокса, майор показал:

— Нам туда.

Не далеко- позади штабного бокса за бруствером, рядом с врытым по самую башню танком стоял бронированный джип «Патриот». Вот на таком мне уже доводилось передвигаться из космодрома в разведшколу и обратно. Мы только вылезли из окопов и сделали всего несколько шагов в сторону джипа как тут же началось свето — представление- воздух разорвал визгливо воющий свист снарядов, земля вздыбилась от частых разрывов и закружилась, затанцевала под нами. Высокие огненно — черные столбы возникали то тут, то там. Разрастаясь в омерзительные подобие грибов, оглушая и осыпая комьями вырванного грунта попеременно с травой, оставляя после себя в земле глубокие рваные воронки.

— Быстро в укрытие! — заорал майор.

Мы ломанулись со всех ног обратно в окопы попадали в разных уголках не видя друг друга, прижимаясь к земле как

можно плотнее, пытаюсь слиться с ней, вращая в нее всем телом. «Спаси и сохрани родная не дай погибнуть».

Обстрел был недолгим и тут же чей то истошный крик:
— Фашисты!!!

— Рота! К бою! -теперь звучал зычный голос старлея.

Сразу же справа из нашего окопа гулко не останавливаясь ни на секунду застучал пулемет. «МГ» по характерно хлюпающему звуку определил я марку, видимо трофейный. Пулемет все не замолкал. «Какого хрена пулеметчик — этот олух царя небесного бьет длинными очередями. Короткими надо, короткими,» — ворчал я про себя и поспешил на drobный звук пулемета. Подбежав к пулеметчику я понял, что не успел- сам пулемет затих, а с уступа безвольно сползло тело девушки- глаз выбит, пол лица у нее отсутствовало. Вместо него кровавое крошево. Среди которого выделяется страшный оскал обнаженных, белых- как сахар зубов. Осколки смерти.

Это была та девчонка, что давеча зло плюнула мне под ноги.

Как же так, девонька. Что же ты себя не поберегла? Тебе еще любить, рожать надо было.

Поднявшись к пулемету, я оценил обстановку. На нас лязгая железом гусениц двигались две БМЗДП- боевые машины звездной пехоты. Щедро приглаживая окопы обороняющихся из башенных пулеметов и время от времени отхаркиваясь выстрелами из короткоствольных орудий. В фарва-

тере укрываясь за их броней и стреляя на ходу, передвигались быстрым аллюром до взвода звездпехов — похожие издалека на забавных головастиков из за десантных шлемов на голове. Собрав горстку земли в руки, я тщательно оттер приклад пулемета от липкой девичьей крови. Обустроившись поудобнее, прижал приклад к плечу, а сам притулился к нему щекой, ловя в перекрестье прицела фигурки наступающих. Пулемет еще сохранил тепло чужого человека и запах тела незнакомой девушки. Стрелять пока было не с руки- звездпехи грамотно использовали борта бронемашин. не давая мне шанса выстрелить наверняка. Я терпеливо ждал. Вот БМЗДП сделал неожиданный маневр вправо, двое звездпехов на секунду замешкались не успевая скрыться за броней, я поймав в прицел зазевавшихся тут нажал на спусковой крючок.

Оживший пулемет, казалось, только этого и ждал- тяжело задергался плюя короткими огненными вспышками. Оба звездпеха откинутые жгучим ураганом из пуль рухнули навзничь.

А вот сейчас мне «гасится» надо и сделать это надо быстро, как в свое время постоянно твердил мой ротный Джек Хартли, ныне, кстати, покойный. «Ковалефф сынок, хочешь пожить подольше, во время боя почаще меняй позицию — это конечно не панацея, но всё — таки какой никакой шанс»

Схватив пулемет я сиганул вниз и побежал со всех ног влево, там, как я разглядел, открывалась хорошая позиция.

Сделал все очень вовремя -на том месте где я только что был пролился обильный свинцовый дождь, срывая здоровые куски бетона с бруствера. Бежал я сломя голову и за поворотом с разбегу налетел на бойца, который двигался мне навстречу, я снес его подобно смерчу, опрокинув буквально подмял под себя. Оба распластались на земле, чувствую хрупкий какой — то солдатик подо мной лежит и вдруг слышу насмешливый девичей голос:

— А вы Антей шустрый малый – прям на ходу подметки рвете. Понравилась девушка и вы тут же не раздумывая, и даже не спрашивая у нее согласия укладываете бедняжку на дно окопа.

Я удивленно поднял глаза.

— Лейтенант? Вы?

— Угу так точно, я, лейтенант Екатерина Воронина,- хмыкнула она.- Но после такого плотного контакта, что между нами только что произошел, можно просто Катя. И еще поскольку мы стали уж так близки было бы более чем странно выкать друг другу, так что давай на ты.

— Давай, — согласился я.

Совсем рядом над нами разорвался снаряд. Снова окатило комьями земли и присыпало какой — то трухой. Я прижался к ней сильнее.

— Ухты,- прокричала она мне в ухо.- Я тут что — то осязаю и понимаю что ты настроен крайне решительно, но предупреждаю мне в декрет рановато — не готова еще.

— А что ты осязаешь? — опять удивился я.

— Что — то такое горячее и большое, — с томным придыханием в голосе прошептала она. Я чуть приподнявшись посмотрел вниз -к телу девушки был прижат ствол пулемета. Потом посмотрел в ее большие озорные глаза, в которых сейчас резвился от всей души бесчисленный рой проказников бесенят. Девушку буквально разрывало от смеха.

— И не надейся. Это не то о чем ты размечталась, а мой пулемет,- в тон ей ответил я.

— Ах мужчины, мужчины — вечно вы обманываете в ожиданиях нас, бедных девушек,- с печальным трагизмом подражая тургеневской барышне произнесла она. — Ну раз так, то может быть ты уже сообразишь встать с меня. Я понимаю, что тебе хорошо, удобно и вообще нравится, но мне всё — таки слегка тяжело держать на себе тебя и твой большой пулемет.- Окончание фразы «твой большой пулемет» ею было особо выделено и подалось с подтекстом.

Я встал, подав руку помог встать девушке. Она сделав книксен чинно поблагодарила меня и тут же вскинув автомат забралась на бруствер, дала очередь по наступающей шеренге.

Я, честно говоря, был поражен такой резкой переменой. Устроившись рядышком короткими очередями начал выкашивать строй атаковавших. Почему молчит танк,- удивился я. Из окопа вылетел огненный оранжево — лиловый шар и ударил в правую БМЗДП. Она дернулась, зачатила и жутко

скрипя, юлой завертелась на месте, как собака укушенная оводом в заднюю ляжку — это четко сработал противотанковый расчет ополченцев. Звездпехи двигавшиеся за подбитой боевой машиной оказались без прикрытия и были перед нами как на ладони. Дав тем самым нам возможность расстреливать их как в тире. Что мы и сделали — тут же открыв огонь на поражение.

Время от времени я мельком поглядывал на Катерину. Воевала она с какой то азартной бесшабашностью -после каждого точного выстрела радостно вскрикивала:

— Нет. Ты видел? Достала гада.

Вторая БМЗДП тормознула, включив задний ход начала отползать, крутя башней водила пушкой из стороны в сторону, выбирая куда бы напоследок побольней ужалить.

Дернув Катерину за рукав, я жестом показал, что пора менять позицию. Мы скатились в окоп.

— Задали жару сволочам,-задорно крикнула она, продолжая находиться в эйфории от скоротечного боя. Потом посмотрев на меня сделалась вдруг очень серьезной.- Знаешь, я тут подумала и решила, что после того, что между нами здесь случилось, всё — таки ты, как честный человек, обязан на мне жениться.

Произнесено это было таким серьезным тоном, что я даже не знал как реагировать.

— А что произошло?

— Ну как,- начала она ты и я на глазах у всех, на земле, в

очень пикантной и крайне недвусмысленной позе. Я девушка порядочная и в моей семье с этим строго раз уж опозорил барышню, шалунишка ты этакий, будь добр отвечай.

Я от неожиданности даже рот открыл. А она вдруг как прыснет со смеху.

— Повелся. Повелся,- захлопала она в ладоши и расхохоталась во весь голос. — Видел бы ты сейчас свою физиономию.- Катя со всей силы хлопнула меня по плечу.- Да не бойся ты так — прикалываюсь я. Ах мужики что же вы такие пугливые. Штанишки случаем не намочил.- С материнской заботой глядя в глаза тут же поинтересовалась Катя.

— Да иди ты, девушка, знаешь куда, — разозлено прошипел я.

— Знаю, — тут же откликнулась она.-Ты прям такой настойчивый. — Прощебетала Катя.- Аки птичка певчая,- и глядя на меня исподлобья жеманно прикусила кончик указательного пальца.

Смотрю — в темно зеленых, с игриво глумливой издевкой очах этой чертовки уже всюю приплясывают потерявшие всякую меру распоясавшиеся бесенята.

Ну и что с такой, негодницей, будешь делать.

— Знаешь мне не до шуток, Катерина,- коротко бросил я стараясь хоть как то приструнить ее.

— Ой, ой, ой, какие мы серьезные. Уж и постебаться нельзя. Ладно не обижайся,- она миролюбиво ткнула в меня пальчиком. — Тебя, кстати, как зовут Антей?

— Так и зови Антей,- проворчал я.

— Ну Антей так Антей,- пожала плечами Катя.- Ладно.

Пошли. Нас уже ждут.

Подойдя к штабному боксу мы увидели майора Файтелевича и старлей. Завидев нас майор откинул кепку на затылок и с облегчением воскликнул:

— Слава Богу- живы.

— А что с нами может случиться, товарищ майор? Конечно живы,- ответила за двоих Катерина.

Получилось у нее это как то уж очень беззаботно. На что старлей лишь неодобрительно покачал головой.

— Это война, товарищ лейтенант, и случится здесь может все.... вот как с моими мальчишками и девчонками.

К боксу как раз начали подтаскивать пластиковые мешки с убитыми. Катерина виновато потупилась.

— Много? — переспросил я.

— Восемь «двухсотых» и три «трехсотых» — тяжело вздохнул старлей.

— А чего танк не стрелял? — задал я давно мучивший меня вопрос.

Старлей окинул меня тяжелым взглядом

— Понимаешь, Антей, эта не атака, в полном смысле этого слова была, а так разведка боем — присмотреться, гады, решили. Прощупать нас — что, да как. Скоро снова пойдут, но уже другими силами, вот тогда им сюрприз в виде танка и будет.

Мы снова попрощались со стралеем, пожелав от всей души ему и его бойцам удачи.

А дальше- штаб контразведки повстанцев, снова проверка и отработывание моей легенды. А потом переправка через линию фронта и самоличная сдача в гестапо.

Вот, вроде, и все.

Закончив писать отложил листок и ручку в сторону, по видимому за мной постоянно велось наблюдение — так как тут же на пороге допросной опять нарисовался старший следователь. Мне пришлось встать и вытянуться в струнку.

— Ну что, Ковалефф, закончил?

— Яволь, гер старший следователь,- мотнул я головой и щелкнул каблуками.

— Ну и чудненько,- он схватил мой листок с показаниями со стола, пробежался по нему глазами, после чего ловко засунул в темную папку. Тут же ручным маркером со своим личным оттиском наглухо запечатал ее.

— Конвой! — заорал он.

Как по мановению волшебной палочки в комнату вошли трое, двое эсэсовцев с штурмгеверами на перевес — оба в чине шарфюрера и офицер с погонами унтерштурмфюрера.

— Этого можно этапировать на звездолет,- небрежно кивнул старший следователь, обращаясь к унтерштурмфюреру и протянул тому, только что запечатанную папку.- Документы отдадите лично капитану звездолета. Ну.. с. — Теперь он обращался ко мне.- Надеюсь, дружок, больше тебя не увижу.

До космопорта «Южный» мы добрались довольно быстро. После проверки документов на КПП «хамер» плавно подкатил прямо к трапу пыхтевшего дюзами разогретых двигателей шатла, который должен был отправить меня на звездолет. Ну, а тот, в свою очередь, доставить на землю — прямо в лапы компетентных органов. Что уж говорить — такая экскурсия никак не входила в мои планы. Да и в штабе контрразведки повстанцев такое развитие событий было не запланировано. Поэтому не прорабатывалось, а видимо зря.

Сопровождающие эссэсовцы под дулами автоматов, молча вывели меня из автомобиля и с какой — то, даже я бы сказал, братской заботой затолкали в грузопассажирское брюхо шатла. Салон этого космического челнока рассчитан на двадцать четыре посадочных места и был разбит на две полосы сидений — по три в каждом ряду. Посередине довольно широкий проход. Внутри, шатл, чистотой отнюдь не блистал — пыль, мусор, какие — то обертки на полу валяются, клочки бумажек, но здесь вообще — то ничего нового — местные техники никогда не испытывали приверженности к опрятности, и к стерильной чистоте не стремились — ссылаясь на то, что работы у них много. Поэтому убираться некогда. Самим пилотам тоже не до этого чистоплюйства, да и по статусу не положено. Так что извиняйте.

Унтерштурмфюрер жестом показал где мне располагаться. Я упал в кресло посередине, рядом — по бокам сели мои конвоиры, унтерштурмфюрер плюхнулся сзади — распо-

ложившись возле иллюминатора, но выпускной люк пока оставался открытым. Пилоты чего — то ждали, и это вряд ли было разрешение на взлет. Через минут десять в проеме люка показался штандартанфюрер Вольц, тоже в наручниках, и тоже под охраной. Выглядел он неважно- мундир без привычной портупей, воротничок расстегнут и чем то заляпан, плечи опущены. Когда — то холенные — идеально выбритые щеки впали и заросли иссиня — черной щетиной, лицо сильно помято. От него и близко не осталось былой арийской надменности. Затравленный взгляд, темные круги под глазами, всклокоченные волосы..

Да, люди сильно меняются по мере обстоятельств. Нет, мне не было его хоть сколько ни будь жаль. Мы часто с ним пересекались по службе и знал я этого типа довольно неплохо. Охарактеризовать коменданта гарнизона штандартанфюрера Вольца мог как редкую сволочь, палача и законченного мерзавца. Он никогда не считал жителей Олерона за людей, всегда и везде подчеркивая, что это совсем не люди, а существа низшего порядка — обычные вредоносные, взбунтовавшиеся вши, пытающиеся сосать кровь на теле Рейха, к которым ни в коем случае нельзя испытывать чувства жалости и сострадания, а нужно давить и уничтожать всевозможными способами. «Вы ведь не жалеете насекомых, например комаров? — Он часто приводил такой довод своим подчиненным и собеседникам.- И правильно делаете. Сколько вы бы не увещевали кровососов, пытаясь с ними договориться они

не понимают и никогда не поймут доброго отношения, а будут продолжать жадно пить вашу кровь, пока вы их не прихлопнете. Поэтому все эту Олеронскую погань надо выжигать каленным железом, травить дустом, планомерно стирая с лица планеты Олерон. Сохранить стоит лишь минимальное поголовье в качестве прислуги и рабов для неквалифицированного и тяжелого труда. И наша задача наконец вбить в тупые, безмозглые головы унтерменшей, что подарим мы жизнь лишь тем из них, кто готов на полную покорность и беспредельное собачье раболепство перед Рейхом и нами — его великими гражданами.» Такова была его политика.

В общем, штандартенфюрер Вольц мнил себя сверхчеловеком, таким вершителем судеб и был ярым сторонником тактики выжженной земли на оккупированных территориях, часто сам выезжал на место, лично руководя жестокими расправами над мирным населением.

Увидев меня он попытался собраться и как то даже приосаниться, но держать марку у него не получилось — его хватило только на то, что бы молча кивнуть мне и тут же опустить голову вниз. После чего его достаточно грубо и без должного пиетета конвоиры усадили в кресло в соседнем ряду.

Люк захлопнулся. Шатл вырулил на взлетку. Зная фокусы, которые обожают исполнять местные пилоты я был готов, а вот остальные и особенно гер Вольц нет.

Совсем недавно штандартенфюрер Вольц еще был круп-

ной шишкой, и с ним все носились как с «писаной торбой». Пилоты, когда он находился в салоне их шатла даже помышлять себе не могли, чтобы проделать над важным пассажиром свои излюбленные шуточки. Только очень аккуратный взлет и только очень мягкая посадка, не дай бог растрясло бы сановного гостя. Сейчас гер Вольц был под арестом и больше им не указ, поэтому пилоты решили, что им можно слегка пошалить — шатл надрываясь движками сорвавшись как оглашенный с бетонки космопорта взлетел почти вертикально, нас вдавило в кресла, на грудь как будто примостился проказник слон, а внутренние органы моментально потеряли былое расположение и начали меняться друг с дружкой местами — желудок, например, резко совершил скачок переместившись куда то вверх поближе к горлу, съеденная на завтрак еда настойчиво запросилась наружу. У окружающих как по мановению волшебной палочки поменялся внешний облик — глаза повылезали из орбит и на них появились слезы, а физиономии вытянулись, приобретя страдальческое выражение, как у человека выжравшего на халяву бутылку девятипроцентного уксуса. Цвет лиц варьировался от темно — фиолетового до бледно-зеленоватого с землистым оттенком.

Я посмотрел на штандартенфюрера Вольца. Он крепился из — за всех сил стараясь сдержаться и не потерять лицо перед бывшими подчиненными. Надув щеки и сжав, что есть мочи свои тонкие губы пытался таким образом поставить заслон рвущейся из чрева наружу лавине из употреб-

ленных ранее продуктов. В последней попытке не дать себе опозориться он в панике заткнул рот двумя ладонями, но не помогло, развязка всё равно наступила, плотина была сметена и истинный ариец зафонтанировал адским гейзером, забрызгивая салон не переваренной до конца жижой из пищи, не забывая при этом испачкать свой полковничий мундир. В ноздри ударил препротивный запах кислятины. Слева от меня сидящий конвоир тоже не выдержал перегнувшись по полам содрогаясь в конвульсиях щедро метал харч на пол. Затем один из сопровождающих подполковника тоже приобщился, поддавшись стадному чувству словно перехватив эстафетную палочку начал всю травить опустошая свои недра.

Я явственно представил себе как в этот момент два пилота шатла, эти два жизнерадостных ублюдка наблюдая всю картинку из салона на своем мониторе весело гыгыкая дружно хлопнули друг дружку по рукам. У них получилось.

Правда надо отметить что какой никакой плюс от их идиотского баловства безусловно был – наконец, кто — то из техников уберет и вымоет салон.

Шатл выровняв нос вышел в стратосферу планеты.

— Скоты,- перестав блевать, вытирая губы тыльной стороной ладони вымолвил Волец, оглядев свой мундир попытался насколько мог почистить его, но поняв тщетность своих попыток закрыл глаза и устало откинулся назад.

Унтерштурмфюрер сидевший сзади встал, размял шею и

со словами:

— Сейчас я разберусь с этими мерзавцами,- направился к кабине пилотов, но тут же преградив ему дорогу появилась голограмма командира корабля. Ярko мерцая и ехидно улыбаясь голограмма заявила:

— Прошу вас сесть на место, согласно директиве разработанной министерством обороны правило номер сто двадцать восемь, параграф четыре — пассажиры находящиеся в пассажирском отсеке военного корабля не имеют права во время полета покидать свои места без разрешения командира корабля или лица его заменяющего. Иначе, как вы знаете, такие действия считаются противоправными, приравниваются к военному проступку и караются согласно выше оглашенной директивы».

— Да плевать я хотел на ваши директивы,- зло прошипел унтерштурмфюрер и сжимая кулаки попытался пройти сквозь изображения пилота. Голограмма предостерегающе выставила руку и продолжила самым издевательским тоном, на которое была способна:

— Если же некое лицо ознакомленное со сводом установленных правил перемещения живой силы с одного объекта на другой, несмотря на требование команды игнорирует их и всё — таки попытается проникнуть в кабину пилотов, то экипаж боевого корабля должен расценивать это как прямую угрозу и имеет полное право применить табельное оружие на поражение.

— Бросьте, унтерштурмфюрер,- сказал офицер сопровождающий Вольца.- Эти гады стрелянные воробыи прикрыты директивами и инструкциями как бронированными листами, всегда будут правы. Поэтому и чувствуют себя безнаказанными пока мы находимся на их территории.

— Повторяю, не усугубляйте, займите свое кресло,- елейным голоском проблеяла голограмма.

В ее устах это звучало — как знай свое место чушкан. У унтерштурмфюрера от бессильной злобы заходили желваки на лице. Но делать нечего, пришлось подчиниться.

— Ничего сучинята,- процедил сквозь зубы он.- Олерон планета круглая и мы обязательно встретимся.- Продолжая трястись от неутоленной злости.- Успокойтесь, унтерштурмфюрер, вряд ли у вас что — то получится. Сколько уж было желающих станцевать на их костях. Фельдмаршал космической авиации — Гюнтер Тотенхоф, простирая свою отеческую длань покрывает своих выблядков и потекает им во всем. Поэтому эти щенки обнаглели донельзя. За то преданны ему как собаки и кличут фельдмаршала-«папа Гюнтер». Так что вот вам мой совет, поскольку справедливости вы всё равно не добьетесь вздохните поглубже и попробуйте остыть, а когда успокоитесь расценивайте деяния этих подонков просто как дурацкую шутку. Так легче. Потому что им ведь еще нас обратно на Олерон доставлять, а если вы будете продолжать дальше дергаться, то будет хуже для всех нас. Кстати, мы подлетаем.

Слева в иллюминаторе выплыл хищный силуэт подвешенного на орбите звездного эсминца «Вильгельм Хайдкамп». Судя по всему, он заканчивает свое боевое дежурство и отправляется на землю, на ежегодный плановый осмотр. На луне, на базе СТК 2 его поставят в док, подкрасят, подмандят, проверят каждый винтик, что надо подкрутят, что надо заменят. Команда в это время разбежится по домам, отдохнет, увидится с родными. Ну, в общем, обычное дело. Ну и поскольку ему по пути «Вильгельм Хайдкамп» заодно с аказией подкинет до земли и нас с гером Вольцем.

Шатл плавно, без лишних движений присосался к пассажирскому шлюзу эсминца. На борту эсминца нас передали из рук в руки и тут же разъединили- закрыв каждого в отдельной каюте.

Не могу сказать, что каюта доставшаяся мне была комфортабельна. Сама по себе крохотная -два на полтора, особо не разбежишься, ничего лишнего, но минимум удобств здесь имелось -кровать, туалет и душ. Естественно поскольку мы были под арестом, то расхаживать по палубам нам не давали, в кают компанию не приглашали. Завтрак, обед и ужин доставляли строго по расписанию. Сидеть взаперти было довольно скучно, развлечений ноль. Голографизор тоже отсутствовал и все ж таки полторы недели как чурбан проваляться на кровати не самое плохое времяпрепровождение. Это тебе не в трюме болтаться в общей камере для конченных. Так что мне было комфортно, но скучно.

Где — то под кроватью нашел не знамо как заваливавшуюся туда и зачитанную до дыр книжечку авантюрно — любовный роман — наивный, глупый до одурения и приторно сладкий, словно сахарный сироп. Как бы мне не противно читать было эту муть, но одолел я его очень быстро- это всё же лучше чем от тоски, печали на стены лезть. Затем занял себя тем, что без устали по многу раз оттачивал и отшлифовывал свою легенду мысленно, прорабатывая ее в голове, то и дело якобы отвечая на поставленные вопросы следователя и стараясь на все сто сам поверить в то, что говорил.

«Да, случилось так, что сепары напали на объект в аккурат в то время как мы с гером Даутенбергом находились на въезде в КПП и караул проверял наши документы. А тут как понеслось, доложу я вам, выстрелы взрывы. Началась полная неразбериха. Гер Даутенберг, я считаю в этой ситуации принял очень правильное и единственно верное решение уходить в сторону леса. Мы отстреливаясь. Побежали. Да. Да. Конечно я прикрывал его спину и вот когда до спасительного леса оставалось совсем немного, буквально несколько десятков шагов, вмешался его величество случай -на перерез нам кинулся отряд из четырех сепаратистов и здесь Штурмбанфюрер повел себя как какой — то, не побоюсь этого слова, супергерой — это истинный пример беззаветной службы отечеству и Рейху. Честное слово. Я горжусь тем что мне удалось хоть немного, но послужить под командованием такого достойного человека, настоящего героя. Он встре-

тившись лицом к лицу с ненавистным врагом, ни капельки не заробел, а сразу же с криком: «Да здравствует, Канцлер и Рейх», бросился с автоматом на перевес на сепаров. Метким огнем уложил троих на месте, но схлопотал ответную очередь от раненного сепаратиста. Я добил гада и еще четвертого. Когда я склонился над Штумбанфюрером- этим великим войном, не посрамивший дух Зигфрида, то увидел что он умер от тяжелейшего ранения. Сразу не мучаясь. Очередь буквально разорвала его.

Что вы говорите? Почему я не вернулся на объект? Потому что к этому моменту он был уже взорван, и вместо него красовалась гигантская воронка. Так что мне пришлось уходить. Почему не вытащил тело командира с поля боя? Если вы видели тело штурмбанфюрера, то оно находилось далеко не в лучшем виде и не являлось цельным разваливаясь на множество отдельных фрагментов. Я же говорил, что сепар стрелял в упор. Да и потом на выручку своим подоспели еще сепары. Мне пришлось укрыться в лесу. Не понял что вы спрашиваете? Почему три дня скитался по лесу. Эта местность была мне незнакома. Заплутал слегка.»

Так я всю оставшуюся дорогу развлекался — играя сам с собой в следователя и допрашиваемого.

Басовито, тяжелый, бьющей по ушам гудок корабельной сирены известил, что мы выплыли из «надпространства» и встали на орбиту поближе к земле. Ну вот и все. Прибыли. Готовься, Яр Ковалефф. Что там на земле тебя ждет одному

господу Богу известно.

Аэропорт «Рига», куда приземлился этапировавший нас с гером Вольцем шатл совершенно неожиданно был замечен снегом, что в общем — то редкость для наших латвийских широт. Глубокие сугробы скиданы и навалены подальше от старательно расчищенной взлетно — посадочной полосы, но суровая, зимняя поземка не жалея потраченные персоналом усилия продолжала заметать бетонку аэропорта, гоняя туда сюда колючую, белоснежную шалупонь. Шатл мягко при-миная снежок, вырулил в сторону здания аэровокзала, но до него не докатился метров пятьсот и встал как вкопанный. Шумно хлопая распахнулся люк, откидывая до земли несколько ступенек трапа. Студеный воздух с улицы тут же ворвался в теплый пассажирский салон, заставляя всех по-ежиться. Я взглянул на хронометр на моей руке, который уже сам подстроился к местному — земному часовому поясу и времени суток. Десять часов тридцать три минуты утра, двадцать пятого января. Знаковый день- Татьянин день. Названный так в честь великомученицы Татьяны Римской.

На душе у меня было беспокойно- кошки скребли вовсю. В животе как то пусто. Да и вообще, если честно, настроение никакущее, потому как ссыкатно очень, из — за полной неизвестности маячившей впереди, а как следствие всего этого безобразия, откуда то снизу, поближе к сердцу охватывая его в стальные тиски поднималось нехорошей пеной гнетущее чувство страха и отчаяния. Как все сложиться?

Станет ли вообще кто — то выслушивать мою ахинею или сразу быка за рога и в стойло. Ну в смысле в пыточную камеру. Я тяжело вздохнул.

Когда — то создатель, не знаю уж зачем, подарил человеку чувство безнадеги и страха, но тут же в противовес одарил его и такой штукой как надежда. Моя мама всегда говорила, что это своеобразное мерило. Так Господь проверяет нутро человека. Для тех кто не верил и не верит в доброе светлое вечное, того при встрече с неизведанным как пустой сосуд до горлышка заполняет страх, пустота и отчаяние, а для тех кто верит в те принципы, что завещал нам Бог, надежда навсегда станет путеводной звездой.

Может быть и так, хотя вот японцы утверждают, что надежда одна из самых страшных пыток придуманных для человека.

— Задержанные, на выход,- прозвучал в динамиках бесстрастный голос командира корабля. Все правильно. Парень сделал свою работу и сделал ее грамотно. Чего волноваться за каких то непонятных пассажиров, что теперь с ними будет его как то не колышет.

Вставать совсем не хотелось. Но перед смертью не надышишься. Я приказал себе подняться и первым направился к выходу. Плечи расправлены, спина ровная, походняк бодрый, типа, а чего мне бояться — ни в чем не виноват. Сделал шаг в зияющий проем люка на ступеньку трапа и тут же пурга зло швырнула мне в лицо комочки острой ледяной пыли.

Зима. День — деньской на улице сумрачно и очень холодно.

У самого трапа нас поджидают два одинаковых — черных тонированных кара. Около них стоит по паре встречающих, совсем не пышущих дружелюбием, этакие мальчишки кубикишкафчики, одинаковы с лица. Словно под копирку изданные. Перепутать одного с другим как два пальца об асфальт.

Очень хотелось бы знать, откуда ребятишки. Гестапо или СД? Вопрос на засыпку, как спецслужбам Рейха удастся подбирать таких похожих персонажей — с постными, не запоминающиеся, и в тоже время устрашающими как у бультерьеров физиономиями. Интересно, они сами себя различают? А возможно они и в правду однойцевые, в смысле одни и те же мама с папой без продыху не переставая трудились над их зачатием. Такой вот домашний инкубатор на благо отечества. Или же всё — таки несмотря на все запреты в Рейхе, спецслужбы потихоньку клонирует своих мордovorотов.

Короче, по видимому эту загадку мне никогда не разрешить.

Пока я спускался по трапу у меня в голове яркой буквой «зю» возник еще один вопрос- какая машина за кем приехала? Или же это без разницы? Что бы хоть как то разрешить возникшую у меня дилемму, я очень учтиво поздоровался со всеми четырьмя встречающими «бультерьерчиками».

— Добрый день, достопочтимые господа. Прекрасная нынче погода. Не правда ли?

Ответа я естественно не дождался. За — то зимнему вет-

ру -бродяге мое замечание насчет дивной погоды я так понимаю пришлось по вкусу и на радостях, что я такой весь понимающий, он от души еще раз весело, но больно стеганул меня по лицу роем колких, заиндевевших снежинок, заставив зажмуриться. Видимо он сделал это для того, чтобы я еще больше восхитился таким явлением природы как метель.

Только я поставил одну ногу на бетонку, двое амбалов справа моментально пришли в движение. Даже не представившись, ловко схватив меня за плечи цепкими как клешни рака руками и резко нагнув мою голову вниз (чуть шею от усердия не сломали сволочи) моментально впихнули брентное тело вашего покорного слуги в открытую дверь черного кара. Не успел я опомниться, как уже эти двое не произнеся ни звука сидели рядом со мной по бокам, зажав своими мощными торсами словно тисками мою несчастную тушку.

И откуда у этих, казалось бы на первый взгляд, неповоротливых громил такая прыть. Ну вот сразу все встало на свои места. Я наконец узнал кто за кем приехал, хотя что мне эти познания дают, непонятно.

Я попробовал поерзать. Черт с два. Словно был не зажат на заднем сиденье двумя людьми из плоти и крови, а как есть вмурован между двумя гранитными монолитами. Двери захлопнулись. Кар слегка присев на заднюю ось резво стартовал с места. Я покосился вначале на одного сопровождающего, потом на другого, пытаюсь по каким ни будь незначительным признакам, хоть как то определить принадлежность

к какой организации имеют эти двое. Оба в гражданском без знаков отличия. Лица словно отлитые из чугуна- абсолютно непроницаемые. Вроде смотрят только вперед и моя персона их как бы совсем не интересуют, но опытному глазу сразу становится ясно, что оба моих попутчиков на чеку и словно церберы неотрывно следят за любым моим телодвижением. Короче профи.

— Как служится, господа? — сделал я слабую попытку пообщаться и чтобы в конечном итоге вывести, наконец, откуда эти два неандертальца. В ответ гробовая тишина. Может они еще и немые? -Ну хорошо.- Продолжил я.- В чьем я ведомстве на данный момент и куда меня везут хоть можете сказать?

Тот мордоворот, в гранитную тушу которого я был впечатан — слева, нехотя скосил на меня тяжелый взгляд.

— Не бухти приятель. На место прибудем там все узнаешь,- после чего отвернулся, уставившись вперед.

Ну чтоже объемный ответ и что характерно крайне содержательный. Мне оставалось гадая смотреть на дорогу. Если с «Вантового» моста на перекрестке свернут налево, значит в СД и это как бы неплохо, а вот если направо, значит на бульвар Аспазияс, тогда совсем печально -это гестапо.

Кар плавно раскачиваясь на старинной брусчатке скатился с моста. Впереди еще один светофор. Ну что.... час истины настал. Сердце сильно сильно забилося в груди, казалось еще немного и ломая ребра вырвется наружу. Давление, на-

верное, до трехсот подскочило. Налево всё — таки или направо? Я через тонированное стекло боковой двери воздел глаза к небу. «Господи, ну пожалуйста только не направо, только не направо.»

Кар на светофоре нехотя повернул налево, что дало мне возможность несколько приободриться. Еще немного и вот оно знакомое старинное здание немного напоминающее мрачную средневековую крепость по адресу Антонияс 5.

Створки ворот разъехались, и мы через глубокую арку въехали во двор «колодец». Хоть стоянка и была почти до отказа заполнена одинаковыми черными карами, но наш водитель нашел место где притулиться. Мы остановились почти у входа. Вывели меня также бойко как и поместили в автомобиль. На входе два охранника в форме СС проверили у сопровождающих документы. Когда втолкнули в лифт я уже был почти спокоен, но вместо кнопки вверх сопровождающий имбецил как то чересчур уверено нажал кнопку вниз.

«Не понял. Это что еще за фокусы. Парни, какого хрена? Вы ошиблись.»

Чуть в возмущении не заорал я. Кабинет обергруппенфюрера- моего любимого дядюшки Роланда находится навер-ху, на пятом этаже.

Лифт спустился вниз как будто в жерло ада. Дверцы лифта расходятся по сторонам и мы упираемся в решетку блокирующею дальнейший проход в полутемный, зловещий коридор «кишку», которому не видно конца. За решеткой небольшая

будка из пуленепробиваемого стекла, в ней как наглухо, кем то изолированный паук в банке, сидит дежурный и пялиться в многочисленные мониторы. Завидев нас он интересуется каким — то кодом. Один из сопровождающих моих четко произносит:

— Задержанный 9321 доставлен.

Дежурный просит обождать, нажимает одну из кнопок на панели пульта. Из боковой двери за его будкой тут же выходит эссэсовец. Морда мрачная, штурмгевер наперевес и снят с предохранителя, палец на курке. Раздается неприятный режущий уши звук и часть решетки отъезжает в стену.

Меня, крайне невежливо, толкают в спину. Я делаю шаг и оказываюсь по ту сторону добра и зла. Да простят меня, люди благодетельные, но именно такое сравнение применительно к этому чудовищному заведению. Решетка тут же становиться на место. Мой новый конвоир заходит мне за спину.

— Пошел вперед, -коротко бросает он и утыкает ствол автомата мне в между лопаток.

Я вам скажу, данное обращение мне совсем не понравилось, но что поделаешь я не в том положении чтобы высказывать свое «фи». Так что пришлось подчиниться.

Мы побрели по коридору интерьер которого не только не являлся образцом какого ни будь архитектурного стиля, но и не блистал разнообразием форм, а также подбором жизнеутверждающих цветов внутренней отделки — стены грубо оштукатурены и покрашены в грязно серый цвет. Колор тем-

но- бордового каменного пола, я так понимаю, специально подобран дизайнерами обустранивавшими этот арестантский приют, чтобы если уборщики по какой то причине не смогли отмыть кровь допрашиваемых и этапируемых из допросной в камеру, то ее пятна на таком полу были бы не заметны и не очень мозолили глаза.

В коридоре гробовая тишина. Поэтому эхо наших шагов прокатываясь по стенам гулко отдается в ушах. По ходу движения справа и слева пронумерованные двери камер с закрытыми окошечками посередине, через которую видимо узникам подают еду или там еще что. Наконец возле камеры под литерой 67 конвоир приказал остановиться и стать лицом к стене. Звякнул электро — замок, дверь камеры распахнулась.

— Заходи,- буркнул охранник.

— А наручники?- очень вежливо поинтересовался я.

И тут же получил прикладом штурмгевера по спине -это было с его стороны не только крайне не любезно, но и жутко болезненно для меня. Скорей всего теперь будет синяк.

— Заходи я сказал,- свирепо прошипел охранник и опять пришлось подчиниться.

Дверь захлопнулась, зато открылось окошечко в двери.

— Руки сюда. Живо.

Я протянул руки, и их освободили от оков. Разминая запястья, внимательно осмотрел камеру в которой очутился. Во — первых не жарко, на заплесневелом с желтоватыми разво-

дами потолке видеокамера, которая денно и ночью следит за узником — не расслабишься. Плюс какой — то непонятный светильник создающий, якобы, интимный полумрак- экономят на электричестве, сукины дети, стены такого же «живенького» цвета как и коридор. В дальнем конце расположились дощатые нары и стол, возле входа раковина и параша. Что удивительно и то и другое хоть и пользованное, но относительно чистое. Общую атмосферу данной «кельки» можно описать двумя словами- тоскливо и уныло. А если еще более точно то как полная жопа Ну в общем все это так я себе и представлял.

Еще с постройки не без известной Бастилии сыны человечьи придумали и обкатали на своих же соплеменниках универсальные методы где и как лучше всего содержать неугодных, чтобы с успехом ломать не только тело, но и дух С тех давних пор я смотрю мало что изменилось.

«Вот теперь, Яр Ковалефф, можешь смело начинать отчаиваться»,- захныкал мой внутренний голос.

«Погоди. Тут надо подумать»,- отдернул я его.

«А чего тут думать,- возразил он.- Разве не понятно? Пиздец тебе пришел»,- и жалобно так затянул похоронный марш.

Я уселся на жесткий деревянный настил. Ну давай теперь покумекаем, что у нас в сухом остатке? Я не в подвале гестапо — это плюс. Но и не в кабинете своего дяди. «Это минус»,- мгновенно встрял внутренний голос. Я постарался его

игнорировать и продолжил. В тоже время кто — тоже отдал четкие указания насчет моей персоны — чтобы ни в коем случае не тиранили там на Олероне, а доставили без следов насилия на землю. И никто, ведь, не посмел ослушаться.... ну кроме Кейши, естественно.

Эти указания были грамотно выполнены. Кроме того же дяди Роланда никто отдать такие приказания не смог бы. «Только вот почему ты сейчас на нарах?» — опять забухтел внутренний голос. «Значит чего — то я пока не знаю.- ответил я ему, пытаясь хоть как то успокоить обосравшегося бедолагу. — И потом заметь, дружок, я пока не в пыточной,»- указал я ему. «Вот именно пока»,- хмыкнула в ответ эта сволочь.

Минуты ожидания не понятно чего тянулись медленно и потихоньку перерастали в часы. Неизвестность изводит не хуже зубной боли. Знать бы к чему готовиться?

Я начал ходить по камере измеряя ее шагами вдоль и поперек. Наконец окошечко в моей двери распахнулось, и раздался сочный бас:

— Задержанный на выход,-все повторилось в обратном порядке- наручники туго стянули мои запястья. А затем уже вывели в коридор.

Ну что, Яр Ковалефф, готовься. Закусив губу я собрался в кулак, после чего пожелал себе удачи поговоркой которая как мне казалось всегда выручала в трудные минуты: «Бог не выдаст свинья не съест», и уповая на высшие силы, мыс-

ленно перекрестился. Интересно, где в этом заведении пыточная, хотя нет. Мне это совсем не интересно.

На этот раз под присмотром конвойного мы дошли до лифта и он нажал заветную кнопку пятого этажа. Да неужели?

Знакомый кабинет, дядя Роланд, стоящий у окна и отрешенно курящий в раскрытую форточку. Короткий доклад конвойного о том что арестованный за номером таким то по вашему приказанию доставлен. Беглый тяжелый взгляд усталых глаз, затем такой же короткий кивок головы с седым ежиком волос со стороны дяди Роланда, и отданное абсолютно нейтральным голосом распоряжение о том что унтер офицер Шульц может быть пока свободен.

Ну вот мы и остались одни в насквозь прокуренном кабинете. У меня возникло чувство дежавю -такое ведь со мной уже было — я стоящий у дверей как нашкодивший мальчишка и он суровый седовласый напоминающий строгого экзаменатора, который никому не даст спуска. Дядя Роланд жестом приказал мне присесть за стол, достал из кармана генеральских галифе всю ту же серебрянную коробочку — глушилку, активировал ее. После чего аккуратно положил на стол передо мной и сам сел напротив, по привычке проводя ладонью по своей неизменной густой и жесткой как проволока, сивой шевелюре. Он сидел совсем близко и вблизи вид у него был вусмерть умотанного человека. Видимо, ему приходится совсем несладко и правда подумал я глядя в его

утомленные глаза с припухшими от постоянного психологического напряжения и недосыпа веками столько ответственности нести на своих плечах не каждому это под силу. Не человек, а глыба.

— Здравствуй, Яр,- сказал он. Пристально, как строгий учитель вглядываясь в меня.

Я еще не зная как себя вести ответил по уставному:

— Здравия желаю, гер обергруппенфюрер. Я счастлив вас видеть.

— Расслабься,-махнул он рукой. — Здесь можешь говорить смело. Нас никто не подслушает. Рассказывай.

И я начал рассказывать все то, что произошло с момента нашей последней встречи. Меня как прорвало, все лилось как буд — то полноводный ручей наконец сорвал установленную кем то плотину и бурным потоком вылился наружу. Я рассказывал взхлеб и физически ощущал как освобожденный от того груза, что мешал, давил, гнул и висел тяжелым камнем на сердце и за плечами. Я как будто постепенно разгружая себя перекидывал бремя своих забот на другого, более сильного выносливого и крепкого. Наверное это было неправильно, не по мужски, но остановиться я уже не мог.

— Ну вот, после этого,-заканчивал я.- Группа добровольцев, во главе с майором Куликовым прикрывая отход освобожденных из плена женщин и детей, и основных сил четников оборонялась до конца, а когда удержать позиции стало невозможным подорвали себя и подземный завод. Всю до-

кументацию по этому и остальным заводам- крепостям нам удалось захватить, вынести, после чего передать в штаб повстанцам.

К сожалению фон Даутенберга пришлось ликвидировать при проведении этой операции погибла еще и наш агент и мой связной Эдита Банковска, чип с ее личными данными я также передал в штаб повстанцам- возможно пригодится.

— Я помню эту девочку,- печально покачал головой дядя Роланд.- Большая была умница и очень цельный человек. Вы ведь даже, мне кажется, учились вместе.- Я утвердительно кивнул.- Но здесь, Яр, ничего не поправишь — это война. Потери были и будут. Мы все знаем на что идем. Жаль только, что теряем самых лучших.

У меня на глазах помимо моей воли навернулись слезы. Я отвернулся к окну не хотел чтобы дядя Роланд видел что я сейчас чувствую.

— Постой,- осекся он. От его цепкого взгляда не укрылось как изменилось мое состояние при упоминании об Эдите. Он придвинул свое лицо испещренное мелкими морщинками почти вплотную к моему.- У вас что — то с ней было?

Я до боли закусил губу, чтобы не расплакаться.

— Да было. И все было очень серьезно.

— Вон оно как,- ошарашено пробормотал дядя Роланд. — Прости, Яр. Не знал.

Я рукавом смахнул предательски улизнувшую из глаз и побежавшую по щеке слезу. Дядя Роланд резко встал, неко-

торое время ходил в замешательстве по кабинету, потом опять сел за стол, но уже рядом со мной. Потрепал по плечу своей большой сильной рукой.

— Будет, сынок. Будет,- пробормотал он.- Вот что, паря, думаю тебе надо отдохнуть. Нервишки подправить. Поэтому, предлагаю тебя пока устроить опять на грузовой звездолет пилотом. Как ты на это смотришь?

Я отрицательно покачал головой.

— Нееет, дядя Роланд, не для того меня учили в разведшколе, чтобы я спасая свою шкуру отсиживался где — то в тылу. Я хочу вернуться на Олерон и продолжать.

— Молодец, Яр,- дядя Роланд хлопнул меня по плечу.- Примерно такого ответа я от тебя и ожидал.- Ты пойми. Да мы заплатили слишком высокую цену но и Эдита, и Куликов со своими бойцами погибли не зря. Уничтожив заводы, крепости вы нанесли не только военный, но и мощный финансовый удар по Рейху. А во главу угла каждой войны всегда будут стоять деньги и экономическая выгода. Корпорации — эти главные доноры империи несут колоссальные потери, потому что им не хватает тех природных ресурсов, которые есть только на Олероне, а в другом месте их взять негде. Производство, завязанное на импортном сырье, буксует, заводы и фабрики простаивают. Концернам повсеместно приходится закрывать один за другим свои филиалы. Людей уже сейчас пачками выкидывают на улицу без выходного пособия. Недовольство среди жителей растет с каждым днем. Са-

ма политическая система все больше трещит по швам. Плюс гробы, которые еженедельно поступают с Олерона тоже никому оптимизма не прибавляют. И хотя пропагандистская машина Рейха не сбавляет обороты, штампуя как под копирку победные релизы, пытаясь из 30 всех сил доказать всему, так называемому «свободному миру», что мы по — прежнему на коне, но у большинства населения потихоньку приходит отрезвление и понимание. Люди устали терять своих близких на этой непонятной для них и никому кроме корпораций, ненужной войне.

— Дядя Роланд я все прекрасно понимаю. Меня агитировать не надо. Нужно только объяснить что я должен делать дальше. Какова моя первостепенная задача.

— Ну прежде всего подписать вот эту бумагу,- он встал и подойдя к столу недолго покопавшись в персональном компьютере хлопнул клавишей, и тут же передо мной на столешнице стола проявилось голографическое изображение какого то документа с орлом и свастикой под грифом совершенно секретно.- Ознакомься и подпиши. — Строго сказал он.

Я начал читать. То что там было написано заставило меня даже хмыкнуть от удивления.

— Ну не хрена ж себе.

— А как ты думал? По другому никак,- усмехнулся Дядя Роланд.

Я еще раз пробежал глазами по тексту, если коротко то в целом там говорилось следующее: Оказывается, Яр Кова-

лефф — псевдоним(Племянник) уже с прошлого года является тайным агентом службы СД в чине Унтерштурмфюрера и работает в штабе экспедиционного корпуса на Олероне под прикрытием, в звании лейтенанта звездной авиации и в должности третьего заместителя командующего личным составом. По поручению контрразведки выполняет секретное задание — выявляет среди офицеров штабов, а также генералитета неблагонадежных элементов -паникеров и предателей. Далее шли все мои заслуги перед Рейхом и награды в конце прилагалась биография, аж с младенческих лет.

— Круто,- выдохнул я и подставив запястье с чипом расписался своей личной электронной подписью. Бумага тут же исчезла- перебравшись в необъятное хранилище компьютера обергруппенфюрера СД дяди Роланда. Но тут же передо мной появился совсем чистый лист.

— А это что еще такое? — удивленно спросил я.

— Это мой мальчик раппорт на подонка и предателя штандартенфюрера Вольца, который ты еще составил на Олероне, но напишешь его и подпишешь прямо сейчас.

— Я дядя Роланд как то доносы еще не писал. Он такглянул на меня, что я аж вжался в стул.

— А придется. Это будет одна из твоих обязательных задач дискредитация командного и партийного состава штабов экспедиционного корпуса. Рейху нужны виноватые в их постоянных неудачах на театре военных действий, и ты их будешь находить. Тем самым шаг за шагом обезглавливая эту

гидру. Запомни, сынок, и заруби себе на носу в нашей работе часто цель оправдывает средства.

— Ну да. Наверное вы правы,- неуверенно начал я...

— Или тебе вдруг стало жалко этого палача? — строго спросил меня Дядя Роланд.

— Да нет. Не в этом дело. Просто.....

— Хватит миндальничать, Яр,- резко оборвал меня дядя Роланд.- Мы тут с тобой не в бирюльки играем. Боишься запачкаться ступай обратно в пилоты. К чертовой бабушке. Тебя никто уговаривать бороться с Рейхом не собирается. Короче. Так, даю тебе десять минут на изложение твоей позиции по поводу отщепенца и клятвопреступника Вольца и особенно подчеркни его роль в гибели Даутенберга. Все должно выглядеть убедительно. Вперед. Время пошло.

Когда я закончил свое сочинение, он его внимательно прочитал, удовлетворенно хмыкнул:

— Это хорошо. Очень грамотно изложил. Молодец,- и спрятал бумагу. — Дальше — завтра ты вылетаешь в Берлин на траурные мероприятия по случаю похорон героя Рейха и любимца Канцлера фон Даутенберга. Билеты на твое имя заказаны. Произносишь над его могилой скорбную речь, кстати, на забудь ее подготовить и побольше пафоса- народу это нравится. Можешь даже скупую мужскую слезу пустить, а оттуда не задерживаясь летишь обратно на Олерон. Твоя группа уже сформирована и ждет тебя. Со связным встретишься В Нью Олеронском баре «Седой Охотник». День для

связи выбран- каждый вторник и четверг. Подойдешь к бармену ровно в девять ноль — ноль вечера и произнесешь пароль. Запоминай: «Мне пожалуйста сухой martini, добавьте к нему натуральный апельсиновой сок, но не взбивайте и не перемешивайте, и бросьте туда еще две черных маслины. Ответ: «Извините. Я вряд ли смогу приготовить такую гадость, просто руки не поднимутся портить продукты. Может желаете чего — то другого. Тогда налейте пива или шнапса.»

— Забавный пароль,- усмехнулся я.

— Какой есть,- отрезал дядя Роланд. Дальше, кроме того что я тебе уже сказал, в твои прямые обязанности будет по — прежнему входить уничтожение складов с боеприпасами, топливом и подготовленных к вывозу с Олерона полезных ископаемых и минералов. Ну и конечно физическое устранение людей виновных в уничтожении мирного населения и признанными Олеронским судом военными преступниками.

— Понятно,- кивнул я

— Но самое главное, Яр, нужна крупная диверсия в космопорту «Южный» так чтобы на время он перестал отправлять и принимать грузы.

— Но это невозможно,- вскинулся я.- Космопорт так охраняется, что туда даже муха не проскочит.

— Я тебя не спрашиваю возможно или нет — это приказ и его нужно выполнить во чтобы то ни стало и все,- жестко — по генеральски отрубил он. — Тебя в конце концов чему тоже учили? — Продолжил он уже более мягко. Подумай, по-

раскинь мозгами. Ты же умный парень. Не нужно это делать прямо сейчас с наскока. Операция должна быть тщательно продумана и подготовлена.

На душе стало скверно. Как можно тщательно продумать и подготовить дорогу прямо в ад — на сковородку к дьяволу.

— Все понятно, дядя Роланд,- еще раз тяжело вздохнул я.- Разрешите идти.

— Ступай,- он тепло по отечески, но коротко обнял меня и тут же отстранился как будто ему вдруг стало стыдно за эту мимолетную слабость.- Ну, Яр, с богом. Больше тебя не задерживаю.- На прощание он сунул мне в ладонь пропуск.

Я с огромным удовольствием выбрался из душных давящих на психику стен на студёный зимний воздух. До дома было не далеко, но я не знал хочу ли я домой. Родные пенаты мне будет напоминать о моей прошлой — такой простой и счастливой как оказалось мальчишеской жизни. Только вот входа в это прошлое больше никогда не будет, а будут только жестоко теребящие душу воспоминания. Постояв в размышлении несколько минут, я понял, что податься мне до завтра всё равно больше некуда. Подняв воротник шинели, повернулся навстречу безжалостному — пронизывающему насквозь ветру и зашагал в направлении дома.

Такие близкие с детства улицы моей Риги сегодня были серыми и мрачными- город в котором я родился и вырос, казалось, не рад был меня видеть. Я для него стал чужой. Он хмуро пялился на меня безмолвными глазницами окон ста-

ринных домов, хотя вполне возможно я слишком предвзят и так негостеприимно зимой смотрится любой город. Показалась знакомая парадная и та самая тяжелая деревянная дверь за которой в день похорон Алекса выглядывала темно медная челка Эдиты и тут же как будто наяву явственно в ушах резанул ее родной голос: «Яр хочешь я буду твоей девушкой?»

Перехватило дыхание. Стало больно. Очень больно. Я ускорил шаг, как будто это могло мне хоть как то помочь. Разве от воспоминаний можно сбежать?

Похороны Даутенберга были сверх пышными. На Мюнхенском кладбище Waldfriedhof не протолкнуться. Собралась не только вся верхушка рейха, но еще куча всевозможного люда. Плюс были также представлены все известные и малоизвестные массмедиа желающие освещать погребение верного сына Рейха- еще бы такое событие. В общем жаждущих проститься с усопшим, а заодно светануться и заявить особенно высоким партийным бонзам о своей твердой гражданской позиции было немерено, хотя и впускали туда через мощное оцепление эссэсовцев по спец пропускам.

Публика была вся сплошь шикарно разодетая и очень недурно пахнувшая, фимиами дорогих парфюмов во всю струились, заполняя пространство вокруг старинных могил. Дамы щеголяли в шикарных шубах и манто. На ухоженных головках шапочки – таблетки, ярко подведенные тушью глаза, скрыты за траурными вуалями. Напоказ выставлены лишь

хищно накрашенные губы. Мужчины — кто в парадных мундирах, кто в строгих пальто и белых рубашках, на лацканах яркие партийные значки, а на глазах темные очки. Все присутствующие не забывали поддерживать на своих лицах скорбь вселенского масштаба. Судя по моим наблюдениям, некоторым эта скорбь давалась нелегко. Море цветов и венков. Украшенный флагами со свастикой гроб с телом покойного был доставлен к месту упокоения на артиллерийском лафете, под надзором взвода почетного караула и под звуки траурных маршей полкового оркестра СС. Естественно, по вполне понятным причинам гроб не открывали, поскольку смотреть там было не на что, уж я постарался на славу превратив фон Даутенберга в обезличенный кровавый кусок мяса.

Ораторы на специально отстроенной по такому случаю, еще пахнувшей свежеспиленной сосной трибуне, также завешанной флагами рейха, сменяли друг друга как в каком — то бредовом калейдоскопе. Хвалебные речи где покойный предстал перед всем демократическим сообществом ангелом во плоти и чуть ли не Мессией, следовали одна за другой.

Мой черед произнести свою диатрибу настал ближе к завершению церемонии, когда по лицам собравшихся было видно, что всем эта комедия с патриотическим уклоном уже надоела до чертиков. Да и холодно — чай не май месяц, ну и вообще почивший гер Даутенберг конечно крутой перец —

герой и все такое — это даже не обсуждается, но давайте его уже закопаем побыстрее, в смысле предадим тело земле, а сами за щедро накрытый и оплаченный из государственной казны стол в дом офицеров. Пора бы, так сказать, помянуть как следует героя рейха.

Пока же им еле сдерживаясь от нетерпения и зябко ежась от стужи оставалась лишь слушать ораторов несущих, пусть и в разных вариациях, в принципе, одну и ту же хрень, и взи-
рять на небо.

Я не знаю, но вполне может быть кто — то из них и вправду считал, что верный сын великой империи именно сейчас благосклонно взирает на них с небес.

Лютеранский Пастор в черной мантии с благообразным лицом и не в меру упитанным расплывающимся во все стороны животом, который должен отпевать покойного тоже втихаря приплясывал- он равно как и все замерз, устал и ему тоже хотелось согреться, в смысле накатить.

Набросал я свою речь в салоне самолета, пока летел из Риги в Мюнхен. Надо ли говорить, что после процедуры жесткой цензуры ее изрядно отредактировали. Например; в первоначальном, моем варианте, гер Даутенберг ухлопал трех сепаратистов, а затем после того как какой — то ненавистный гад выпустил в него целую обойму из автомата, уже благополучно представился, не забыв правда перед этим дать наказ мне- его ординарцу, которого он между прочим за-
слонив своей широкой грудью спас от неминуемой смерти.

«Я,- шептал он слабеющими губами.- Умираю за Канцлера и Рейх, но ты, Яр Ковалефф, продолжай сражаться до тех пор, пока на Олероне не останется ни одного сепаратиста».

Так вот кому — то из цензоров число нападавших показалось ничтожно мало и не соответствовало светлому облику чудо рыцаря с древними тевтонскими корнями, поэтому количество сепаратистов убиенных им увеличили до восьми, явно ребятки были не в курсе, что он никак не Супермен. Ну да ладно.

Я нацепив на «морду лица» патриотически пафосную маску, забравшись на трибуну взял слово. Начал немного со скрипом, но затем после парочки фраз разошелся. Слова панегирика вдруг полились из меня без остановок- как водопад. Время от времени отрываясь от бумажки с текстом я поминая покойного, как истинного арийца и одного из лучших сынов отчизны то и дело кивал на дорогуший гроб с золотыми кованными ручками.

Наверное это не правильно, и уж точно не по христиански, когда убийца поминает жертву на его же могиле. Конечно это грех. Но я не чувствовал даже капельки раскаяния, потому как, что касается фон Даутенберга мне было глубоко плевать на этот божий канон. Он получил от меня то чего давно заслуживал и я был несказанно рад, что расправился с этим ублюдком. Жалел лишь об одном — если бы сделал это раньше, то Эдита была бы жива.

Достигнув апогея своего акафиста, в котором мне кажет-

ся, я превзошел самого себя тут же прилюдно клятвенно пообещал, что сразу же после похорон не задерживаюсь ни на секунду вернусь на Олерон и продолжу священную битву с недочеловеками, которые возомнили, что могут противопоставить себя великому Рейху. Затем выпучив глаза, словно мучился от недельного запора, набрав в легкие побольше воздуха, заорал как оглашенный, что есть мочи в микрофоны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.